

Оглавление

	Введение	3
Глава 1	История ссылки и каторги в Сибири	
1.1	Пенитенциарная система Западной Сибири	15
1.2	Судьбы ссыльных на каторжных этапах Сибири	22
1.3	Этапы и села Московско-Сибирского тракта, их население и культура	26
Глава 2	Сибирский тюремно-каторжный песенный фольклор	
2.1	Песенные традиции сибиряков и общая характеристика тюремно-каторжного песенного фольклора	33
2.2	Характеристика «невольника» в тюремно-каторжном песенном фольклоре	38
2.3	Образы пространства в тюремно-каторжном песенном фольклоре	43
2.4	Образы времени в тюремно-каторжном песенном фольклоре	51
2.5	Образы жизни и смерти в тюремно-каторжном песенном фольклоре	57
	Заключение	65
	Список источников и литературы	68
	Список сокращений	75
	Приложение	76

Введение

Основной темой данного исследования является феномен фольклора «неволи», а именно сибирский песенный фольклор, который сложился в условиях каторги и ссылки и стал одним из результатов развития пенитенциарной системы в России. В работе предпринимается попытка оценить влияние этой системы на сибирское общество и его культуру. В ней анализируются отдельные сюжеты тюремно-каторжного песенного фольклора, которые связаны с восприятием пространства, времени, жизни и смерти; воссоздаётся образ «невольника», который является главным персонажем песен.

Актуальность данной выпускной квалификационной работы определяется социокультурными реалиями настоящего и прошлого России. В последнее десятилетие в стране сформировалась новая молодёжная субкультура – АУЕ (в свободной трактовке «Арестантский уклад един», или «Арестантское уркаганское единство»). Основой ее идеологии является романтизация тюремной среды. Подобные явления, формируя пространство социальных рисков, нуждаются в системной оценке.

Пенитенциарная система оказала большое влияние на развитие культуры страны. Многие мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, В.Т. Шаламова, А.И. Солженицына, В.М. Шукшина невозможно понять в отрыве от каторжного фольклора и особой каторжной культуры. Реалиями современной России являются: ежегодный фестиваль «Шансон года» в Кремле и популярный конкурс песни среди осужденных «Калина Красная». В рамках российского фольклорного движения набирают силу фестиваль «Дмитриев день» (г. Екатеринбург), который ориентирован на воссоздание русской мужской песенной традиции и соответствующего репертуара.

Объектом исследования является сибирский каторжный фольклор в контексте российской истории XVIII-XIX в.

Предметом является система ценностей, представленная сибирским каторжным фольклором.

Хронологические рамки определяются временем становления российской пенитенциарной системы и институтов каторги и ссылки. Ключевым сюжетом является строительство Московского тракта, который в XVIII в. пересек Западную Сибирь и стал дорогой пересыльных этапов. Нижняя хронологическая граница определяется политическими и культурными преобразованиями в России постреволюционного времени.

Территориальные рамки данной работы определяет сибирский макрорегион, ставший зоной формирования каторги и ссылки в России. Авторское исследование привязано к местам пересылок и этапов, в пределах Западной Сибири ориентировано вектором Московского тракта и локализовано местами пересылок и ямщицких станций. Например, с. Болотное, с. Венгерovo (бывшее с. Спасское, бывшее с. Голопуровo), г. Куйбышев (бывший г. Каинск) и др.

Целью авторского сочинения является оценка системы ценностей, презентированных тюремно-каторжным песенным фольклором русских Западной Сибири в историческом, этнокультурном и социальном контексте России середины XVIII – начала XX вв. на примере оценки отношения каторжан к месту (пространству) и времени, жизни и смерти.

Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи:

- сделать обзор пенитенциарной системы применительно к Сибири;
- выявить роль ссыльного контингента в формировании притрактового населения (Московско-Сибирский тракт) и его влияния на локальную культуру;
- дать общую характеристику феномена сибирского тюремно-каторжного песенного фольклора и его специфики;
- обобщить архивные и опубликованные фольклорные материалы по Западной Сибири в сравнении с общесибирскими;

- выявить наиболее типичные сюжеты, связанные с описанием и восприятием осужденными места (пространства) и времени, жизни и смерти;
- дать оценку образам тюремно-каторжного песенного фольклора с точки зрения системы ценностей, им презентированными.

Источником работы является тюремно-каторжный песенный фольклор, представленный в серии изданий, выходивших в России на протяжении XIX-XX в. В авторском сочинении были использованы лишь старинные каторжные песни из записей Н.М. Мельникова. К исследованию не привлекались так называемые «блатные» песни, которые также имелись в фонде, т.к. они являются порождением массовой культуры рубежа XX-XXI вв. и содержат в себе совершенно отличные от традиционных песен сюжеты и мотивы [Башарин, 2005, с. 176–193].

Все использованные для изучения избранной темы в рамках квалификационной работы фольклорные тексты анализируются в историко-культурном контексте сквозь призму истории возникновения и трансформации пенитенциарной системы Западной Сибири. История каторги и ссылки воссоздается в авторском сочинении на основе широкого круга документальных источников – главным образом законодательных актов России, регламентирующих систему наказаний за совершенные преступления. Анализ этих источников строится с учетом обширной аналитической литературы, на основе выводов российских правоведов, политологов и историков о характере и особенностях развития практик наказания за преступления в административной и политико-правовой системе России и в том числе Сибири [Жижин, 1900; Земляков, 2003; Зуев, 1998; Шабанов, 1998 и др.].

При всей обширности литературы, посвященной пенитенциарной системе Западной Сибири, работ, ориентированных на исторический и социо-культурный, этнологический подходы в ее оценке немного. Крайне редко к изучению этой проблемы привлекается фольклор.

Методологию квалификационного сочинения определяет принцип историзма. Он предполагает интерпретацию событий и явлений российской действительности в динамике, с учетом изменений во времени, с учетом конкретных условий, в которых эти изменения происходили, а также с учетом сложной системы взаимосвязей различных факторов трансформации отдельных явлений. Такой подход, сложившийся в российской гуманитарной науке, позволяет выявить глобальные и локальные тенденции развития, сформулировать «уроки истории».

Даная работа опирается на системный подход, построенный на сочетании возможностей этнографии, фольклористики и историко-культурных исследований. Ее теоретической основой является концепция фольклора (от folk-lore – англ. «народная мудрость»). Впервые этот термин был введен в 1846 г. У. Дж. Томсом для характеристики художественной и бытовой народной культуры.

Системный комплексный подход, использованный в квалификационном сочинении, позволяет реализовать поставленные в нем цели и задачи. Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и приложения.

Научное значение работы определяется тем, что ее результаты могут быть использованы для методических разработок центров по изучению фольклора и этнографии русских Сибири, а также стать основой для дальнейших исследований в этой области.

Глава 1. История ссылки и каторги в Сибири

1.1. Пенитенциарная система Западной Сибири

В мировой юридической практике и в общественных науках под пенитенциарной системой (от лат. *penitentia* – «раскаяние») понимаются государственные институты по исполнению уголовных наказаний в соответствии с национальным законодательством, связанные (в самых общих чертах) с лишением свободы. На эту систему помимо карательных, возложены функции восстановления социальной справедливости и профилактики преступлений.

В России наука о наказаниях сложилась в XIX в. и впервые была обобщена И. Я. Фойницким в «Учении о наказании в связи с тюрьмоведением» (1889 г.). Работы, посвященные обоснованию пенитенциарной системы в России, издавались и в последующие десятилетия [Малинин, Смирнов, 2010].

Первые упоминания о ссылке в русском праве датируются XVI в. Первым указом о ссылке стал дополнительный указ от 1582 г. к Судебнику Ивана Грозного. В нем «за ложь в жалобнице и в суде, за состав и крамолу детей боярских, при ябедничестве» назначалась торговая казнь и ссылка в украинные города – Севск, Курск и т.д. [Саломон, 1900, с. 1]. В 1586 г. в Тобольске был учрежден Разбойный приказ, который занимался беглыми крестьянами, бунтовщиками и «татами разными».

В правление Алексея Михайловича в 1649 г. был принят кодекс законов Русского государства, получивший название «Соборного уложения». Он сохранял свое значение вплоть до первой половины XIX в. Согласно Соборному уложению ссылка (в отдаленные монастыри, остроги, крепости или боярские имения) применялась как основное наказание за десять видов преступлений. В дальнейшем сфера ее применения расширялась.

В XVII в. Московское государство расширяло свои пределы на восток и имело в своем составе большое количество необжитых земель. Провинившиеся люди направлялись на поселение в «окраинные» области. При этом они не переставали оставаться царскими подданными и могли «приносить пользу» государству, обеспечивая русское влияние на вновь

присоединенных территориях [Саломон, 1900, с. 2–5]. Уже тогда одним из основных мест ссылки была избрана Сибирь.

Спектр наказаний был очень широк: осужденные могли ссылаться «в службу» и назначаться в дворяне, в стрельцы, или в казаки прямо в месте ссылки. Ссылка «в посад» означала, что осужденный отныне относился к посадским тягловым людям и отбывал в назначенный ему город. Особое место занимала ссылка «на пашню», т.к. люди, наказанные таким образом, находились под контролем правительства; им отводились участки земли, и выдавалась денежная ссуда на различные нужды, как правило, на необходимый для обработки земли инструментарий [Саломон, 1900, с. 6].

Как правило, вместе с самими ссылными в новые края ехали их жены и дети; а замуж за холостых ссылных местным жителям предписывалось выдавать своих дочерей. Изначально усилия государства были направлены на то, чтобы закрепить вновь прибывших на новых территориях и исключить возможность их побега.

Помимо этого, уже в конце XVII в. начал практиковаться новый вид наказания – ссылка на каторжные работы. Полагают, что происхождение термина «каторга» восходит к греческому слову *katargon* (в позднегреч. – «галера»). Каторга стала рассматриваться как вид уголовного наказания, состоящий в использовании осужденных на принудительных работах в местах ссылки. Каторжные работы как альтернатива смертной казни были обозначены в правление Петра I. Изначально каторжными являлись корабельные работы. Первый указ, по которому осужденных направляли на каторжные работы в г. Азов, датировался 1699 г. [Малиновский, 1900, с. 8].

Позже осужденных стали направлять на строительство крепостей и гаваней. По мере освоения восточных территорий и их ресурсов – на разработку рудников, в том числе в Сибири, в Забайкальской области. С расширением ссылки в Сибирь каторжников стали отправлять для работы на фабриках и заводах.

В XVIII в. в правление Елизаветы Петровны, согласно постановлениям 1753–1754 гг., каторга по-прежнему заменяла смертную казнь: при этом, предусматривалось деление тех, кто был осужден на «натуральную смертную казнь» и на «политическую смерть». Первым вырезали ноздри, клеймили на лице «ВОРЪ/ВОР» (позднее «КАТ» – «каторжный») и, подвергнув телесным наказаниям, отправляли по этапам закованными в кандалы на тяжелые работы; для вторых предполагались послабления [Сенатский указ 1753 г. № 10305, Сенатский указ 1754 г. № 10306, Высочайше утвержденный доклад 1853 г. № 10087].

На протяжении XVII в. обеспечением передвижения ссыльных, их обустройством, и в целом, управлением ссылкой ведал Сибирский приказ, которому в 1637 г. была передана вся территория региона. В XVIII в. дела, касающиеся ссыльных, поступили в ведение местных властей. Последующие изменения пенитенциарной системы произошли уже в XIX в., что было связано с законотворческой деятельностью М.М. Сперанского, назначенного Сибирским генерал-губернатором в 1819 г. [Малиновский, 1900, с. 12–14].

Уголовное законодательство было систематизировано в ходе подготовки Свода законов Российской империи в 1832 г. По новым законам, наказание предполагало несколько видов работ, включая каторжные за «возмущение, смертоубийство, разбой, грабёж, лихоимство». Каторжными считались работы на заводах и фабриках Сибири; к сроку добавляли время этапа. Уголовное законодательство 1842 г. и его редакции 1845 г., 1866 г. и 1885 г. сохранили большую часть положений о каторге неизменными [Высочайше утвержденное Уложение 1845 г. № 19283.].

Приговор к каторжным работам предполагал потерю правового статуса с прекращением семейных и имущественных отношений и вечное поселение в Сибири после их окончания. Родные могли последовать за осужденным с запрещением отъезда из Сибири до смерти супруга.

Уголовное уложение 1903 г. определяло каторжные работы, как второе после смертной казни наказание; они были бессрочными или назначались на

срок до 15-ти лет в специальных тюрьмах [Высочайше утвержденное Уголовное уложение 1903 г. № 22704.].

К началу XX в. каторга в России была самым тяжким видом уголовного наказания за наиболее опасные для государства деяния. Пытаясь определить динамику численности каторжан и ссыльных в Сибири, исследователь А.А. Иванов в своей статье об уголовной ссылке в Сибирь в XVII – XIX вв. (со ссылкой на П.И. Буцинского и В.К. Андриевича) определяет число ссыльных с 1593 г. до 1645 г. в 1500 чел.; хотя по мнению П.А. Словцова на 1662 г., в регионе насчитывалось 7400 ссыльных [Иванов, 2014б, с. 44].

Что касается последующего периода, то он характеризуется увеличением численности ссыльных, что было обусловлено последовательным ужесточением законодательства в 1649 г., 1653 г., 1663 г. В частности, например, Указ от 12 августа 1663 г. заменял смертную казнь для фальшивомонетчиков ссылкой в Сибирь вместе с женами и детьми.

В результате правительственных мер к середине XVII в. в Сибири могло находиться около 8 тыс. ссыльных мужчин – 10,6% от всего русского мужского населения региона. А к концу XVII в. численность ссыльных только в пределах Западной Сибири могла составлять 15 тыс. душ мужского пола [Шабанов, 1998, с. 53-55]. К этому времени Западносибирский регион прочно утвердился в глазах правительства в качестве места ссылки.

При этом часть ссыльных приписывались в податные или служилые сословия («на пашню», «в службу», «в посад» - в «ссыльные крестьяне» и т.д.) [Дополнения к актам историческим. Т.8., 1862, с. 345]. Они обязаны были заниматься обработкой «государевой десятинной пашни», продукт с которой шел в казну. Положение «посельщиков» было очень тяжелым и не претерпело принципиальных изменений и в XVIII в.

Со временем сибирская ссылка приобретала все более массовый характер. Количество ссыльных резко увеличилось после указа от 13 декабря 1760 г., согласно которому крестьяне могли без суда ссылаться в Сибирь помещиками. Основная масса ссыльных поселенцев направлялись

преимущественно в южные регионы Сибири. А каторжане отправлялись на работы на рудники, заводы, казенные мануфактуры в Нерчинский и Колывано-Воскресенский округа.

Сколько точно поселенцев и каторжан было направлено в Западную Сибирь во второй половине XVIII в. – сказать сложно. Но ориентиром может служить донесение сибирского губернатора Д.И. Чичерина 1771 г., в котором говорится, что доставлено «на поселение 6 тысяч и около 4-х тысяч человек еще в пути». Кроме того, известны данные Тобольской казённой палаты, согласно которым «в 1781 году в Омском, Ишимском, Курганском, Каинском округах находилось 9 624 души мужского пола посельщиков... А в Томском и Тарском уездах проживала 3 571 ревизская душа посельщиков» [Шабанов, 1998, с. 59]. Количество каторжан по сравнению с численностью ссыльных было, безусловно, меньше, но и они играли определенную роль в жизни сибирского региона.

Положение каторжан определял характер принудительных работ. Вплоть до XIX – начала XX в. основными видами каторжных работ являлись работы на рудниках и заводах, под надзором военного караула, в кандалах, а рабочий день длился обычно по 11 часов в день [Михеенков, 2014, с. 129, Шабанов, 1998, с. 141–144].

В 1822 г. в России вступил в силу «Устав о ссыльных», которым вводилась категория «ссыльнопоселенцев». Чуть ранее по отношению к каторжанам («колодникам») стали употреблять термины «арестант» или просто «заключенный».

Под заключением в XIX в. понимались все закрепленные юридически виды принудительного лишения свободы. Согласно такому толкованию в западносибирском регионе содержалось четыре категории арестантов, которые выделялись по численности, видам совершенных правонарушений и примененных к ним правовых норм [Бортникова, 1999, с. 58].

Первую категорию составляли подсудимые и подследственные арестанты, которые были заключены под стражу в качестве меры

пресечения; они содержались в каталажных камерах или тюремных замках. Такая мера относилась к категории досудебного разбирательства.

Ко второй категории заключенных причислялись пересыльные, т.е. все арестанты, которые должны были быть препровождены по месту назначения. Пересылка осуществлялась через Тобольский (а с 1868 г. Тюменский) приказ о ссыльных – для этих целей была создана система этапов и полуэтапов, пересекавших всю Сибирь.

Третья категория заключенных включала в себя арестантов, которые были приговорены к лишению свободы уже в качестве уголовного наказания. Их содержали в тюремных замках.

Четвертую категорию составляли люди, осужденные за нарушение общественного порядка и другие административные нарушения; они отбывали срок в каталажных камерах или же в тюремных замках.

В целом, по подсчетам специалистов, к 1870-м гг. в Западную Сибирь было сослано около 120 тыс. заключенных разных категорий – мужчин и женщин, в большинстве своем отправленных на поселение, хотя каторжный контингент здесь был тоже заметным. Преимущественно Западная Сибирь являлась местом ссылки на поселение, а Восточная – местом для ссылки каторжан [Шабанов, 1998, с. 68].

Среди заключенных в западносибирском регионе за тяжкие преступления только с 1803 по 1880 гг. были осуждены 645 тыс. чел. Но в рамках проведения судебной реформы, которая делала ставку на доказательность судебного процесса, многие получили помилование или смягчение приговора [Бортникова, 1999, с. 59].

Согласно тюремной реформе, с 1879 г. все места заключения в России были разделены на следующие группы: каторжные тюрьмы, исправительные дома, губернские и уездные тюрьмы, арестные дома.

С этого времени система ссылки и каторги с разделением на рудничные, крепостные и заводские работы постепенно трансформировалась. В 1900 г., согласно «Закону об отмене ссылки», срочные арестанты (приговоры

которых вступили в законную силу) постепенно превратились в основную категорию заключенных. Их численность постоянно увеличивалась. И к 1917 г. количество заключенных в западносибирских тюрьмах достигло показателя в 11 137 чел., что в разы превышало количество подследственных и пересыльных арестантов [Бортникова, 1999, с. 112].

В марте же 1917 г. Временное правительство амнистировало политических и уголовных заключенных, содержащихся на каторге, вследствие чего последняя прекратила свое существование.

Если в результате постоянного увеличения притока ссыльных к середине XIX в. их доля от общей численности населения Западной Сибири составила 8%, то к концу века она сократилась до 7%. В этот период каждый 15-й житель региона являлся ссыльным; а в отдельных округах их численность достигала 10% от общей массы населения [Шабанов, 1998, с. 69]. Но показатель 1 к 15 являлся более низким в сравнении с Восточной Сибирью, где соотношение ссыльных к местному населению составляло 1 к 5, а в некоторых местах доходило до показателя 1 к 3-м [Бортникова, 1999, с. 60].

Высокий процент ссыльных определял специфику социо-культурных процессов в Западной и Восточной Сибири на протяжении XVII-XIX вв.

1.2 Судьбы ссыльных на каторжных этапах Сибири

Система ссылки как формы наказания за преступления формировалась в России на протяжении XV–XVII вв. Первоначально преступники ссылались в службу, в посад и на пашню. В начале XVII в. центром перераспределения ссыльных был г. Тобольск: отсюда отправляли в другие города Западной Сибири. К концу XVII в. ссыльные появились в Прибайкалье и г. Иркутск стал центром концентрации ссыльных в Восточной Сибири. С участием ссыльных в XVIII в. осваивались отдаленные районы: Якутско-Охотский тракт, Камчатка, Забайкалье [Историческая энциклопедия Сибири, с. 172].

В 1689 г. вышел указ об учреждении пути, соединяющего центральные районы России с Сибирью. В 1730 г. началось строительство Московско-Сибирского тракта, продолжавшееся до середины XIX в. Эта сухопутная дорога, отвечая задачам экономического развития России, была одновременно дорогой ссылки.

С середины XVIII в. вслед за указом 1753 г. о замене смертной казни ссылкой и указом «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут» 1760 г. движение по ней партий ссыльных приобрела массовый характер.

Осужденных собирали в городах Калуге и Самаре, отправляли по Оке и Волге до Казани, затем по Каме – до Нового Усолья, оттуда – до Верхотурья, потом до Тобольска и через Томск до Иркутска и Нерчинска [Катионов, 2004, с. 363].

В первые годы новой практики отправления осужденных в ссылку имелось значительное количество проблем, таких, как наплыв арестантов и отсутствие помещений для их содержания, которые должны были находиться на перевалочных пунктах по маршруту их следования. Затем по мере налаживания организации пересылки все постепенно стабилизировалось, что, однако, не исключало просчетов и злоупотреблений на местах, когда большое количество людей скапливалось на определенном этапе, и было вынуждено ждать дальнейших указаний. А ввиду «специфичности» контингента, большое его скопление делало обстановку на этапах крайне нестабильной. Проблемы должной организации ссыльной системы и контроля оставались актуальными на всем протяжении существования ссылки.

В XVIII в. для управления ссыльными и для контроля над их хозяйственным обустройством на местах была создана «поселенческая комиссия» при командующем сибирским корпусом.

В 1811 г. для конвоирования ссыльных было создано подразделение постоянно действующей стражи. Согласно указам от 16 и 17 января того же года всех арестантов, следующих к месту ссылки, начали снабжать документами, удостоверяющими личность, из которых было понятно, в какой пункт назначения они должны быть доставлены. Положением от 3 июля 1811 г. была введена внутренняя стража, которая должна была заниматься принятием ссыльных.

В 1816 г. внутренняя стража была введена и в Сибири. Ее отряды были расположены на всем протяжении Сибирского тракта. К тому же, они обеспечивали безопасность всех проезжающих [Катионов, 2004, с. 368–369].

Согласно уставу 1822 г. учреждались этапы на всем протяжении тракта от Москвы до Тобольска. Они являлись станциями для ссыльных или перевалочными пунктами, где присутствовали этапные команды, которые занимались обслуживанием ссыльной инфраструктуры. Как правило, охраной этапов занимались гарнизонные команды.

В большинстве своем этапы представляли собой три здания, обычно одноэтажные, огороженные забором. В одном них находился конвойный офицер, в другом – солдаты, а в третьем – сами арестанты. В арестантской казарме помещались двойные ряды нар для отдыха [Кеннан, 1906, с. 66].

Порой в тесных помещениях казарм на этапах и полуэтапах помещалось до 500 чел. Многие должны были «отдыхать», сидя на полу. Ели из общей посуды, подобной тазам или кадкам, туда же справляли нужду. Казармы были очень грязными и душными. Лазаретов, врачей и фельдшеров не было до 1885 г. Смерть на этапе была обычным делом. Были известны случаи, когда четверть, а то и треть ссыльных не доходила до места назначения [Максимов, 1900, с. 21]. Лишь со временем были выработаны общие санитарные требования, предъявляемые к ссыльно-каторжной инфраструктуре.

После «отдыха» на этапе, арестанты покидали тюремный двор и выстраивались в колонны. Затем проходила переключка и осмотр кандалов

каждого осужденного. Ключи от всех замков на кандалах хранились в особом ящике с государственной печатью, который мог быть открыт только после прибытия партии на этап [Максимов, 1900, с. 14].

После издания указа «О бритье половины головы препровождаемым в Сибирь через сибирские этапы ссыльным арестантам и об обязанности этапных команд подстригать арестантам волосы» от 14 июля 1825 г. в обязанности конвоя входила проверка стрижки. Офицер, присутствующий на этапе, выдавал «кормовые деньги» каждому арестанту и всем членам его семьи, если таковые имелись. Но достоверно о «кормовых деньгах» известно лишь со второй половины XIX в. В это же время на этапах появились кухонные помещения с печью и котлами для кипятка. Прежде каторжане были вынуждены питаться за собственный счет, или же просить милостыню [Иванов, 2014а, с. 171–173].

Когда же все необходимые процедуры на этапе оканчивались, вся партия по команде продолжала свой далекий путь. Больные и слабые усаживались на телеги [Кеннан, 1906, с. 64–65].

До Тобольска все шли вместе, после делились на десятки, во главе каждого из которых стоял десятский. Они подчинялись старосте, в выборе которого принимала участие вся партия. Этот выбор утверждал Приказ о ссыльных. От Тобольской тюрьмы партия каторжных и поселская партия шли отдельно [Максимов, 1900, с. 13].

Следует добавить, что до 1883 г. мужчины и женщины могли идти вместе, но затем партии, состоящие из мужчин, имеющих семьи, были отделены от холостых. С «семейными» также отправляли детей и незамужних женщин.

В начале 1860-х гг. ставился вопрос о перевозке ссыльных на подводах этапными командами в целях сокращения расходов. Так, перевозка арестантов от Томска до Ачинска просуществовала с 1865 по 1868 гг., а на промежутке от Ачинска до Иркутска она была отменена уже в 1866 г. Использование пересылки арестантов посредством водных путей было

известно также с 1865 года. Например, из Тюмени осужденные, которые должны были следовать в южные районы Западной Сибири, шли пешком; те, которые направлялись в Восточную Сибирь, перевозились в Томск на баржах.

Пешие этапы преобладали по всей Сибири. На каждого заключенного надевали ножные и ручные кандалы (на особо опасных – еще и колоды или железные ошейники). Кандалы крепились к пруту, который располагался вдоль колонн арестантов, подчиняя всех единому ритму.

Но слабые не успевали за сильными, больные – за здоровыми. Высокие тащили вверх низких, а те, в свою очередь, тянули соседей вниз. Особо проблемным было продвижение арестантов зимой. Им запрещалось надевать рукавицы и как-то греть руки; в то время, как они были прикованы железными наручниками к пруту, который в 1832 г. был заменен цепью.

Со временем тяжелые кандалы были заменены облегченными, колоды и железные ошейники были отменены; а женщин совсем избавили от необходимости надевать оковы [Кузовников, 1898, с. 72].

В 1897 г., согласно высочайшему повелению от 12 февраля, пешее передвижение арестантских партий по Московско-Сибирскому тракту было отменено, а все этапы и полуэтапы ликвидировались. Это было связано со строительством Транссибирской магистрали и открытием сквозного железнодорожного движения в Сибири. Отныне партии каторжан доставлялись в Сибирь исключительно по железной дороге. На крупных станциях для них было организовано горячее питание; помимо этого, им продолжали выдаваться кормовые деньги [Иванов, 2014а, с. 176]. Арестанты находились в вагонах под присмотром конвойных команд.

Итак, система этапирования ссыльных складывалась постепенно и становилась более «гуманной». Однако происходило это достаточно медленно ввиду несовершенства законодательной базы и недостатка финансирования. В процессе формирования система этапирования и конвоирования заключенных претерпела существенные изменения и прошла

путь от момента, когда ссыльным «не велось счета» и они находились в ужасных условиях, когда их выживание зависело только от крепости их здоровья, до момента, когда некая обязанность за сохранность арестантов легла на сопровождающих их лиц. Условия размещения и содержания ссыльных становились более приемлемыми по российским меркам, что, в сравнении с западными стандартами, конечно же, ничего не значит, но прогресс был очевиден и соответствовал общему уровню развития Российской Империи. Тем не менее, положение арестантов на всем протяжении существования пенитенциарной системы Российской Империи характеризовалось бесправием и социальной беспомощностью, бедностью, скудностью пищи, постоянным напряжением физических и психических сил, а также эпидемиями болезней и высокой смертностью.

1.3 Этапы и села Московско-Сибирского тракта, их население и культура

Сибирский (Московский, Московско-Иркутский, Московско-Сибирский, Великий) тракт начали строить после подписания Буринского, а затем Кяхтинского договора, определивших стратегии развития отношений между Россией и Китаем. С 1730 г. началось его обустройство. И с годами Сибирский тракт стал одной из самых протяженных трансконтинентальных сухопутных дорог между европейской частью России и Китаем. В народе его называли «кандалным», т.к. вся его история была неотделима от уголовной и политической ссылки.

Строительство Сибирского тракта способствовало дальнейшему заселению Сибири. Оно осуществлялось в рамках принудительной правительственной колонизации. На Сибирский тракт переселяли ямщиков из европейской России, помещичьих крестьян, сданных в зачет рекрутов. Его обживали и вольные переселенцы из России и разных областей Сибири.

В XVIII в. Сибирская канцелярия предлагала воеводам привлекать для переселения на тракт крестьян и разночинцев. Постепенно область тракта стала характеризоваться наибольшей густотой заселения [Московско-Сибирский тракт. URL: <https://masterok.livejournal.com/354579.html>].

Вдоль Московско-Сибирского тракта возникали этапы, которые были привязаны к населенным пунктам, где постепенно формировалась своеобразная планировка и инфраструктура. Притрактные деревни и села имели двустороннюю застройку по обеим сторонам дороги, глухие заборы, крытые дворы и большую протяженность (порой окраины располагались в двух километрах от центра). Для создания большей компактности строения ставились обычно узкой стороной к дороге. Бани в притрактных селах находились вдалеке от изб и никогда не закрывались; очень часто в них оставляли хлеб, для случайных «гостей». Такая традиция сохранялась очень долго. Старинную планировку и сегодня еще можно наблюдать в отдельных в прошлом притрактных селах Новосибирской области.

Постепенно в притрактные села стали подселать ссыльных. Процесс водворения контролировало волостное правление; на заключительном этапе конвоирования арестантов сопровождали только десятские или выборные от крестьянского мира [Иванов, 2014а, с. 175]. Распределение арестантов по селениям осуществлялось механически, без учета их трудовых навыков и не соответствовало потребностям и возможностям принимающего сообщества [Соловьева, 1983, с. 214]. Осужденные прибывали в совершенно незнакомое им место без средств, не имея ни малейшего понятия, куда им идти и что делать.

Изначально предполагалось, что все ссыльные должны количественно увеличивать сельское население Сибири и тем самым выполнять колонизационную функцию, однако, чаще всего, у ссыльных отсутствовала всякая тяга к сельскому труду, а у многих и к честному труду вообще.

Побег с мест водворения был типичным явлением. К примеру, в 28-ми притрактных селах Каинского округа Томской губернии по данным 1882 г.

числилось 765 ссыльнопоселенцев, но 95 из них отсутствовали по письменным разрешениям, а в бегах находилось 240 чел.; в том числе только 60 чел. вели самостоятельное хозяйство; наемными работниками числился 281 чел.; 88 ссыльных так и не нашли себе занятия. В целом по Западной Сибири по данным на конец XIX в. из 300 тыс. ссыльных не менее 100 тыс. были «безвестно отсутствующими» [Марголис, 1978, с. 135].

Чаще всего теми, кто оставался в деревнях добровольно, были семейные люди. Перед ними стояла задача – найти пропитание и крышу над головой. Это облегчалось тем, что в Западной Сибири ссыльных наделяли землей, давая возможность каждому, при наличии навыков, опыта и трудолюбия постепенно войти в число крестьян. Препятствовали адаптации недоброжелательность местной администрации и настороженность местного населения.

В редких случаях ссыльным удавалось завести собственное хозяйство. И чаще всего оно плохо соответствовало обеспечению нормальной жизни. Все селения ссыльных застраивались спустя рукава – с большим количеством ветхих построек, которые по свидетельствам С.В. Максимова, напоминали «полузабытые птичьи гнезда», «полураскрытые и покинутые звериные норы, которые приводят всякого человека в уныние и наводят тоску» [Максимов, 1900, с. 93].

Эти «особые кварталы» становились центрами социальной нестабильности, ввиду широко развитого среди ссыльных укрывательства [Саломон, 1900, с. 174]. Часто прибывшие в Сибирь осужденные не имели желания предпринимать усилия для изменения своего положения. Неприкаянные они расходились по селам, просили милостыню и пытались найти себе ночлег, занимались разбоем, вновь попадали под стражу, а некоторые попросту находили свою смерть в тайге. Были и те, кто пытались возвратиться в европейскую часть России, живя исключительно на подаяния крестьян и других равнодушных [Саломон, 1900, с. 144–148].

Бродяги, представлявшие, в оценках современников, огромную массу народа, «бродили» по Сибири, порой объединялись в группы численностью от 10 до 40 чел. Чаще всего их целью становилась малая родина, но ввиду протяженности пути и наличия множества опасностей они рыскали по тайге, по пустующим заимкам. Некоторых ловили, но они снова убегали, в надежде все-таки выйти на тракт и когда-нибудь вернуться в родные места [Ядринцев, 1872, с. 385–386].

Двумя главными факторами, которые обуславливали положение ссыльных в Сибири, было отсутствие материальных средств и помощи со стороны власти и старожилов. В Сибири отсутствовала сеть учреждений для помощи новоприбывшим [Саломон, 1900, с. 154–155]. Решившиеся на поселение не могли сразу обзавестись землей, сельскохозяйственными орудиями, скотом и семенами встречая жесткое сопротивление крестьянских сообществ. Прижиться удавалось немногим; и основным средством заработка для тех, кто остался в поселениях, становился наемный труд, обрекавший на бесправие и нищету [Соловьева, 1983, с. 220].

«Особо отчаянные элементы» из ссыльной среды начинали заниматься изготовлением фальшивых монет, кражей лошадей и грабежами, тем самым обеспечивая стабильный рост уголовных преступлений в регионе.

Стоит ли говорить, какие отношения складывались между поселенцами и местными крестьянами. Отношения крестьян к бродягам часто распространялось на всех поселенцев, которых считали «варнаками», способными на всякое преступление. Среди сибирских крестьян даже родилась пословица, посвященная поселенцам: «Поселенец, что младенец, на что взглянет, то и стянет» [Ядринцев, 1872, с. 377].

Местные крестьяне были недовольны нахождением ссыльных в своих краях. Они эксплуатировали поселенцев, недоплачивали им, называя это «ученьем сибиряков» [Ядринцев, 1872, с. 377–378]. Поселенцы платили местным той же монетой. Большинство ссыльных ненавидели Сибирь за то, что здесь их ждали страх, неопределенность, голод и множество страданий.

Взаимоотношения такого рода, безусловно, приводили к огрублению нравов населения сибирского региона. Но, так или иначе, совместное проживание, общие заботы и традиционные христианские ценности приводили к тому, что старожилы и «пришельцы» постепенно притирались друг к другу.

При всех сложностях, у бывших ссыльных и каторжан была возможность, оставшись в селах Московско-Сибирского тракта (который в основном сложился и начал действовать в 1760-1780 гг.), жить «с кнута и гужа» – как говорили сибиряки.

Существовала необходимость обеспечения бесперебойного грузового и пассажирского движения через всю Сибирь [Бойко, 2009, с. 308]. Жить ямщиной было порой выгоднее, чем «жить с сохи и ремесла», т.к. по всей длине тракта постепенно выстраивалась довольно развитая инфраструктура, включавшая казенные почтовые станции, частные постоялые дворы, трактиры и магазины. Сибирские села вблизи тракта отличались добротностью домов, большим количеством лошадей и скота [Бойко, 2012, с. 47].

В конечном итоге, роль ссыльного контингента в формировании притрактового и сибирского населения в целом оказалась довольно значительной наряду с другими социальными вкраплениями. Как указывалось ранее, ссыльные всегда рассматривались государством как инструмент заселения новых территорий, поэтому они оказывались в Сибири зачастую не по своей воле. Напряженные отношения с местными жителями не могли не порождать конфликтов и способствовали возрождению каторжных норм, которые реализовывались особо отчаянными людьми из среды заключенных – они бродяжничали, «варначили», то есть грабили, разбойничали и т.п. Местные жители, которыми данные территории были заняты ранее, разумеется, реагировали адекватно сложившейся обстановке и старались всячески препятствовать незаконной деятельности «пришельцев». Взаимоотношения такого рода, безусловно, приводили к огрублению нравов

населения сибирского региона. И хотя постоянное нахождение вместе и действие народных начал сосрадания, приводили к тому, что старожилы и «пришельцы» уживались друг с другом, процесс не мог не сопровождаться проникновением в традиционную среду русских определенных понятий и ценностей из среды заключенных. В ходе внутриэтнических коммуникаций формировались специфические элементы жизнедеятельности сибирского сообщества. Одним из таких явлений стала тюремно-каторжная песенная традиция.

Подводя итоги первой главы, следует признать, что каторга и ссылка стали одним из факторов освоения Сибири. В XVII–XVIII вв. сибирские этапы приобрели масштабный характер.

В целом, следует говорить о постоянном количественном увеличении числа ссыльных в Сибирь на протяжении всего существования таких институтов как ссылка и каторга. На процесс увеличения количества «невольников» в Сибири существенно повлияли ряд факторы. Во-первых, это трансформация многих видов наказаний. В XVII в. ссылка сменила наказания, подразумевающие нанесение увечий осужденным, а в XVIII в. каторжные работы пришли на смену смертной казни. С XVIII в. помещики и дворяне могли ссылать крестьян на каторгу или поселение в рамках внесудебной расправы. И, в-третьих, рост недовольства, волнений и восстаний тоже напрямую влиял на численность ссыльных.

Отсутствие интереса со стороны власти к личности арестанта и отсутствие заботы о его дальнейшем существовании, приводили к росту преступности и большому количеству смертей в местах каторги и ссылки.

Справедливо будет заметить, что почти все преобразование в рамках пенитенциарной системы приводили к тому, что каждая новая «волна ссыльных» становилась в разы больше, вследствие чего Сибирь была буквально переполнена заключенными всех категорий.

Основной категорией являлись пересыльные арестанты, но помимо самых отпетых преступников сибирский регион принимал и бродяг, инвалидов, подростков с криминальным прошлым, а также иных социальных маргиналов. Иными словами, Сибирь стала очень рано превращаться в край тех, кто был не нужен и даже обременителен для власти. Именно эти обстоятельства усиливали специфику местного сообщества и его культуры.

Важную роль в развитии системы ссылки имели трансконтинентальные транспортные магистрали в Сибири. И прежде всего Московско-Сибирский тракт, который на протяжении XVIII–XIX вв. оставался главной «кандалной дорогой» России. Притрактовые села, часто обязанные своим происхождением становлению ямщицкого промысла и ссылке, отличались своеобразным устройством и укладом. Присутствие здесь ссыльных существенно влияло на культуру местного населения. В конечном итоге несколько веков каторги и ссылки сформировали особую культуру «неволи» с характерным набором ценностей, атрибутов и специфическими социальными отношениями.

Уникальным явлением культуры притрактовых сел стал тюремно-каторжный песенный фольклор. Сибирякам была близка суровая правда жизни, которая описывалась в песнях «неволи».

Глава 2. Сибирский тюремно-каторжный песенный фольклор

2.1 Песенные традиции сибиряков и общая характеристика тюремно-каторжного песенного фольклора

Культура русских сибиряков складывалась на протяжении более трех столетий. Традиционный фольклор отражал особенности этого развития. Особое влияние на становление сибирской песенной традиции оказала пенитенциарная система России, становление которой во многом было синхронно освоению Сибири. В своеобразных исторических социально-политических условиях государства сформировалась группа каторжан, которая «обзавелась» не только собственными социальными нормами, но и субкультурой, в том числе особым фольклором.

Каторжане являлись экстремальной социальной группой – маргинальной, замкнутой, но постоянно обновляемой. Члены этой группы были одеты в одинаковую форму, вместо имен им были присвоены номера. Все формы их существования были регламентированы общим распорядком и регулярными средствами тотального контроля. Они вынуждены были вместе работать, есть, спать, строем передвигаться по территории, по команде справлять «естественные надобности», вместе и по команде мыться и т. д. Им было необходимо всегда «вместе быть» [Банников, 2002, с. 6]. Эта группа была изолирована от гражданского общества; но внутри ни один из индивидов не имел возможности уединения.

В рамках этого сообщества возникали особые песни как важный атрибут для выражения социальных, культурных и прочих отличий. Новые песни были средством самовыражения. Одним из первых обратившись к каторжному фольклору, Н.М. Ядринцев счел возможным говорить о складывании между заключенными даже некой «гражданственности» [Ядринцев, 1872, с. 106].

Будучи выражением общей идеологии протеста, как полагают исследователи, каторжный фольклор изначально отличался разнообразием. И

это неслучайно, ведь состав ссыльных каторжан и обитателей сибирских тюрем был очень пестрым.

С XVII по начало XX в. наказание в Сибири в каторжных тюрьмах, на работах и поселении отбывали, как самые отпетые уголовники, так и политические преступники, старообрядцы и сектанты, зачинщики крестьянских бунтов и т.д. Разнообразие социального (и культурного) состава стало причиной того, что тюремно-каторжный песенный репертуар объединил песни различного происхождения, содержания и стиля [Красноштанов и др., 1997, с. 35].

Но при этом большинство песен имели общие мотивы, сюжеты, манеру исполнения и настроение. Схожесть определялась тем, что, вероятно, все они были написаны в одинаковых социальных условиях – условиях неволи. Репертуар тюремно-каторжных песен, опираясь на сюжеты, известные в традиционном фольклоре, актуализировал тему страданий, горя, драматичной судьбы [Родигина, 2015, с. 78].

Исследователи полагают, что формирование тюремно-каторжного песенного фольклора началось со старинных разбойничьих и острожных песен, сложенных в русле традиционной фольклорной поэтики. Они были принесены в Сибирь служилым казачеством, солдатами конвойной стражи и казаками-переселенцами.

Эти песни пользовались особой популярностью среди жителей региона ввиду общего настроения, т.к. отображали тяготы жизни в суровом крае. Большинство таких песен обретали местный колорит и сибирские (топонимические) привязки.

В то же время сибирские тюрьмы и каторга порождали большое количество оригинальных образцов специфической народной поэтики. Будучи не особенно богатыми по содержанию, но самобытными по манере исполнения, они были способны тронуть «настроенные на благотворение сердца» [Максимов, 1871, с. 30]. Эти песни были «выношены, пережиты,

выстраданы»; их оценка лежала в совершенно другой плоскости, за пределами традиционной культуры [Ядринцев, 1872, с. 118].

Как выразился В.М. Дорошевич, говоря об одной из таких арестантских песен – «это не человек, это «горе поёт»!» [Дорошевич. URL: <https://librolife.ru/g2069766>].

Об особой манере исполнения «песен неволи» писал и Ф.М. Достоевский в «Записках из Мертвого дома»: «Кто-нибудь, в гулевое время, выйдет, бывало, на крылечко казармы, сядет, задумается, подопрет щеку рукой и затаит её (песню) высоким фальцетом. Слушаешь, и как-то душу надрывает» [Достоевский, 1979, с. 136].

Самобытность напевов и текстов песен «неволи» произвели большое впечатление на шведского композитора В.Н. Гартевельда, который в начале XX в. посетил несколько сибирских каторжных тюрем. Исследованию каторжных песен он посвятил книгу «Песни каторги» (1912 г.), где опубликовал оригинальный материал. Каторжные песни настолько поразили его, что он стал считать каторжан и бродяг единственными носителями музыкальной культуры в Сибири.

И хотя это утверждение является достаточно спорным, но особенность каторжного фольклора очевидна. Вот что В.Н. Гартевельд писал о «Подкандалном марше» – песне, которая исполнялась заключенными под сопровождение звона кандалов: «Во время марша хор поет с закрытым ртом – получается нечто, замечательно похожее на стон: гребешки ехидно и насмешливо пищат, кандалы звенят холодным лязгом – картина, от которой мурашки бегают по спине. Марш этот – не для слабонервных, и на меня, слушавшего его в мрачной обстановке тобольской каторги, он произвел потрясающее впечатление. Трудно поверить, но один из надзирателей во время этого марша заплакал. «Подкандалный марш» можно назвать гимном каторги».

В целом же, весь ссыльно-каторжный фольклор был разделен В.Н. Гартевельдом на три группы: песни каторжные и о каторге, о тюремной неволе; песни беглых и бродяг и песни разбойников и о разбойниках.

Несмотря на то, что и в последующих изданиях (в том числе в сборнике Варгановой В.В.) присутствует разделение песен именно на эти три группы, следует учитывать, что данное разделение является довольно условным, т.к. невозможно точно установить источник песен, потому что они могли быть сочинены как непосредственно на каторге, так и «на воле»; при этом каторжные песни были близки песням бродяг, беглых и разбойников, которые, как правило, были выходцами из тюрьмы; все использованные песни имеют ряд общих сюжетов, связанных с неволей.

Все эти «песни неволи» в силу своей самобытности составляли особый тип лирики, отличавшейся от народной, которая содержала мотивы преступления и наказания. Как отмечал Н.М. Ядринцев, эти песни отличаются от остальных настолько, «насколько ощущения людей свободных при виде тюрьмы отличаются от ощущений и взгляда на нее людей, сидящих в ней» [Ядринцев, 1872, с. 107].

Подлинно сибирскими являлись «бродяжнические» песни, которые породила ссылка. Они были посвящены изображению горемычной доли беглеца, которого постоянно преследовало гнетущее чувство от сознания отверженности обществом и безысходности своей судьбы [Красноштанов и др., 1997, с. 36].

По наблюдениям В.Н. Гартевельда, песни бродяг изобиловали собственно народной поэзией, для которой был характерен «высокий лирический подъем». Это обстоятельство он объяснял постоянным соприкосновением бродяг с природой, которые скитались по тайге, после чего снова возвращались на каторгу. И именно бродяги являлись хранителями старинных песен о Ваньке Каине, Стеньке Разине и разбойнике Кармелюке. Ввиду своей «древности» эти песни имели несомненную фольклорно-этнографическую ценность.

Как в ранних, так и в поздних песнях отображались основные моменты жизни арестантов: мучения на этапах, душевное состояние в тюрьмах, казни, побеги, неистребимое стремление к воле, удасть и презрение к опасности.

Со второй половины XIX в., в песнях «нового склада», наряду с появлением мотивов социального протеста, местный сибирский колорит обрел новую силу – Сибирь превратилась в символ каторги и ссылки.

В поздней песенной сибирской каторжной поэзии заметное место занимают народные версии литературных сюжетов из произведений А. Пушкина, Н. Огарева, Д. Давыдова. В 1870-1880-е гг. в тюремной среде получили распространение произведения Д. Клеменца, А. Архангельского, В. Немировича-Данченко и многих безымянных авторов [Красноштанов и др., 1997, с. 37].

Говоря о «песнях неволи» как об одной из составных частей сибирского фольклора, нельзя не сказать и об их прагматическом аспекте, а именно – о функциях, которые они выполняли. Исследователь Родигина Н.Н. выделяет пять таких функций: - социализирующая, способствующая осознанию нового этапа в биографии осужденного и адаптации его к условиям жизни в Сибири, к нормам и ценностям каторжной субкультуры; - коммуникативная, обеспечивающая общение не только внутри сообщества каторжан, но и с окружающим миром; - интегративная, определяющая единство сообщества ссыльных и каторжан; - компенсаторная (утешительная); - эстетическая [Родигина, 2015, с. 81].

Исследования показали, что наибольшую популярность большинство этих песен имели в местах поселения ссыльных, в том числе вдоль Московско-Сибирского тракта. Большой объем ссыльно-каторжного фольклора был записан выдающимся фольклористом, профессором НГПИ Н.М. Мельниковым в начале 1970-х гг. в некогда притрактовых селах Усть-Таркского, Венгеровского, Барабинского, Куйбышевского, Северного, Татарского, Каргатского, Коченёвского, Колыванского, Кыштовского, Чулымского районов Новосибирской области.

Стало очевидно, что ссыльный контингент сыграл важную роль в формировании культуры этих поселений, оказал большое влияние на складывание сибирской песенной традиции, привнеся в традиционную крестьянскую среду свои ценности. Совокупность «песен неволи» в итоге составила самостоятельный и совершенно особый цикл песен, повествующих о нелегкой жизни человека в условиях каторги и ссылки.

Следует отметить, что культурное взаимообогащение традиционных видов русской необрядовой лирики и «песен неволи» способствовало их сближению и обретению локальных особенностей, выразившихся в определенных сюжетах, подчеркивающих суровость сибирского края, и манере исполнения.

Содержание этих песен дает возможность воссоздать картину мира «невольника», продвинуться в понимании системы ценностей человека, отторгнутого обществом и ввергнутого в достаточно агрессивную систему, где его личность растворяется в массе таких же несчастных, как и он.

2.2 Характеристика «невольника» в тюремно-каторжном песенном фольклоре

Пенитенциарная система России XVII–XIX вв., в первую очередь выполняя карательные функции, ставила под сомнение жизнь и достоинство человека. Показательны отрывки из каторжной песни позднего времени:

На этапном дворе слышен звон кандалов –

Это партия в путь собирается.

Арестантов считает фельдфебель седой,

По-военному строит во взводы.

<...>

Вот раздался сигнал: – Каторжане, вперед! –

И пустились вдоль по дороге.

Лишь звенят кандалы, подымается пыль

Да влачатся уставшие ноги.

<...>

Только силушка мощная нас, молодцов,

По этапу живыми выносит.

Вот раздался сигнал, это значит – привал.

Половина пути уж пройдена.

А на этом пути пропадает народ:

Это нашим царем заведено [Красноштанов и др., 1997, с. 358].

При анализе текста данной песни, перед глазами встает огромная серая масса каторжан, которым предстоит пройти нелегкий путь по тракту в Сибирь, теряя товарищей. Здесь нет личностей, это – толпа людей, выстроенная и подконтрольная. Отношение к ней соответствующее – мы видим лишь общие описания массы каторжан, каждый из которых, рассчитывая только на себя, является частью безликого целого.

Анализируя множество других песен можно попытаться выявить типичные характеристики ссыльных и каторжан. Некоторые из них представлены в следующих отрывках из песен:

По карманам ветер дует,

Кошелек простой гремит.

Оборванец не робеет –

За бутылочкой сидит.

Ноги босы, тело грязно,

Рубашонка, как смола [ОЦРФиЭ. CD 137-17].

Идет он усталый, и цепи звенят,

Закованы руки и ноги.

Печальный и грустный, он взор устремил

Вперед по пустынной дороге [Красноштанов и др., 1997, с. 356–357].

Подобных описаний – великое множество. Их объединяет то, что образ «невольника» воссоздается через внешние атрибуты (например, предметы одежды, кандалы). Кроме того, в каторжных песнях есть попытки описать «невольника» через испытываемые им чувства. Например:

Наливают чашку штей...

В этыйча(я)шкеды ест(и) ка(я)пу(ю)стка, ды

Половина в(ы) ней червей.

Бросил(ы) ло(ё)жку, ды сам(ы) за(я)пла(я)кал(ы),

Стал сухо(и) ку(ю)сок жевать...

А лишо(ё)нец(ы) - несоба(я)ка,

Он такой жа(я) человек [ОЦФиЭ. CD 133-16].

А судьба ли ты моя, лиходейка,

Долго ль буду с тобою я жить?

Понапрасно с тюрьюмою я познался.

Для чего родила меня мать?

Для того ли, чтоб сидеть в этой клетке

И тюремную жись испытать [ОЦРФиЭ. CD 135-15]?

Образ заключенного, арестанта также передается через его социальные функции, основной среди которых является исполнение принудительной трудовой повинности. Это отображено в следующих отрывках:

Начальнички были у нас престроги,

Работой тяжкой нас да нурят.

<...>

Какая может быть, братцы, у нас работа –

Одно мученье в кандалах!

Ну, кандалы были у нас тяжёлы,

Пробили ноги – до костей [Красноштанов и др., 1997, с. 361]!

Помимо неволи, описание ссыльных и каторжных предполагает момент сравнения с «вольными». Для полноты картины не лишним будет проанализировать отношение свободных людей к арестантам и бродягам, которое также было запечатлено в фольклоре.

Начнем с отрывка из песни, в котором мать обращается к своему сыну, отправленного в сибирскую ссылку:

Сын мой, ты, сыночек,
Сын мой дорогой,
Что же случилось, сын мой, над тобой [ОЦРФиЭ. CD137-8]?

В данном отрывке видно материнское сострадание к судьбе родного человека. Ведь порой материнские чувства сильны и непоколебимы, несмотря на какие-либо серьезные обстоятельства. Это видно и в следующем отрывке:

Дорогой ты мой сынок,
Не водись с ворами,
В Сибирь-каторгу сошлют,
Скуют кандалами.
Котелок с собой возьмешь,
Конвой пойдет за вами,
Подкандальный марш споешь
С горькими слезами [ГАНУ. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 211. Л. 3].
Но известны образцы другого содержания:

Отец-мать мои отпираются:

– У нас не было в роду разбойника [Красноштанов и др., 1997, с. 352]!

Случаи отречения родителей и жен от нарушивших закон близких нередки в фольклоре, как и выражение любви и сострадания к тем, кто по каким-либо причинам попал в сибирские края:

Да люблю мальчишку,
Которого здесь тут нет.

<...>

Что во той да во тюремке,

Сидит юнош молодой.

Да за железными столбами

За решёткой [ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 917. Л. 4.].

Вот еще один такой пример нежных чувств к человеку, который терпит многие тяготы и лишения, находясь в неволе:

Ох во неволю Ваня жить попал.

Знать была назначена судьбою.

Ох у неволи Ване умереть.

В тюрьмах, клетках очень безобразно,

В окна железны были решетки

Ох на весючих двери замках.

Ох вы откройте шире фортку,

Ох дайте на волю Ване посмотреть [ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 30. Л. 88.].

Сострадание, заложенное в каторжной лирике, делает ее востребованной и очень устойчивой. «Песни неволи» были и остаются любимы в народе, порою трансформируясь в тюремный фольклор, который явился предтечей русскому шансону.

В связи с этим будет не лишним представить отрывок из песни, которая особо популярна именно в Сибири:

Поезд тронулся, помчался,

Мчится прямо на восток,

А чья-то, чья-то мать-старушка

Стоит и плачет у ворот.

Сын увидел и сам заплакал.

И слезы вытер рукавом,

А мамаша, ай, вытирает

Своим батистовым платком [Красноштанов и др., 1997, с. 360].

При всем драматизме и высокой степени соучастия судьбе и доле ссыльного, арестанта, каторжника – его статус определяет противопоставленность миру «вольных» людей, горе которых во многом определяет понимание необратимости ситуации.

В дополнение к социально-культурной характеристике «невольника» можно сказать, что, судя по некоторым эпизодам в тюремно-каторжном песенном фольклоре, у самих арестантов есть некое убеждение, что их страдания в местах заточения неслучайны (как, например, в песне про Ваню). Порой их объясняют злой долей.

В то же время терпимость к арестантам со стороны вольных людей также можно объяснить их убежденностью в предопределенности судьбы и жизни. Об этом говорят многие русские поговорки: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся», «Не судите и не судимы будете», - за фатализмом которых стоит понимание того, что никто не может быть застрахован от таких поворотов судьбы, и поэтому осуждать заключенных в данном случае – не правильно.

В целом анализ более 200 текстов каторжного фольклора позволяет сделать вывод, что типичный «невольник» характеризуется в фольклоре как человек, безусловно, совершивший преступление и достойный наказания, но который каждодневно страдает, живет в недостойных человека условиях и испытывает невыносимую боль, пытаясь остаться в живых. Этот образ не может не вызывать сострадания, которое запечатлелось в тюремной песне, полной боли и страданий. Каторжные песни отличают эмоционально-оценочные высказывания. Они выражают отношение говорящего к герою, но не содержат его оценку.

Все известные в фольклоре характеристики «невольника» имеют атрибутивный характер; они касаются, как правило, внешних черт, общих для всех обитателей тюрем и ссылки. В целом же герой тюремно-каторжного

фольклора чаще всего – «человек без лица»; в его собирательном образе сливаются все несчастные, идущие по этапам или сидящие в тюрьмах.

2.3 Образы пространства в тюремно-каторжном песенном фольклоре

Известно, что в сибирском песенном репертуаре есть много текстов, где Сибирь предстает в качестве богатой и привольной земли. В сибирских каторжных песнях Сибирь, или же Сибирские края, предстают как далекая и чужая страна. И Сибирь, и каторга рисуются как нечто отдельное во всех смыслах этого слова – как отдаленная территория, отделенная от пространства нормальной жизни. Показателен отрывок из песни Тобольской ссылки «Прощай, Киев, до свиданья»:

За Сибирью солнце всходит,

А в Сибири – никогда [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-3>].

Возникает образ жестокой Сибири-тюрьмы, который усиливается упоминаниями тюрьмы, каторги и ссылки.

Такой обязательный атрибут тюрьмы как решетка возникает, к примеру, в песне с Тобольской каторги «Там, где бьется Каспийское море»:

Пятый год за решеткой томлюся,

Пятый год за решеткой сию [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-3>].

Несвободное состояние «с железом на ногах» – в кандалах, можно проиллюстрировать отрывком из Тобольской тюремной песни «Зачем я, мальчик, уродился»:

Пройдет весна – настанет лето,

В садах цветочки расцветут,

А мне, несчастному, за это

Железом ноги закуют [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-5>].

Кандалы определяют состояние героя в песне из Тобольска «Прощай, Киев, до свиданья»:

Скоро, скоро с пересылкой

Проведет тебя конвой,

На ноги дадут браслеты,

Сбреют волос твой густой [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-6>].

В этапной песне «Идет он усталый» поется о тех неудобствах, которые причиняют обязательные атрибуты каторги – кандалы:

Идет он усталый, и цепи гремят.

Закованы руки и ноги.

<...>

Дышать ему трудно от боли.

И каплет по капле горячая кровь

Из ран, растравленных цепями [Красноштанов и др., 1997, с. 356–357].

Места «лишения свободы» в песнях трактуются как пространство, где невозможно свободное движение. Об этом повествует отрывок из тюремной песни «Солнце всходит и заходит» (г. Куйбышев):

Днем и ночью часовые

Стерегут мое окно.

<...>

Уж вы цепи, мои цепи,

Вы тюремны сторожа,

Ни порвать вас, ни порезать

Без булатного ножа [ГАНУ. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 293. Л. 17.].

Примечательна и песня, записанная В.Н. Гартевельдом на этапе Кутарбинка в начале XX в. под названием «Степь, родная ты моя». В ней поется о переживаниях каторжанина, которого заперли «в душной избе» и не

дают насладиться свободной жизнью. Текст строится на контрасте – что есть там, на воле, и чем вынуждены довольствоваться каторжники:

Степь, родная ты моя,

Без тебя тоскую я!

В душевной избе не уживу,

Сердце рвется вдаль [Гартевельд URL: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1026658/147/Garteveld_-_Pesni_katorgi.html]!

«Неволя» в пространственном выражении обозначается атрибутами каторги и тюрьмы. Среди основных: клетка, кандалы, оковы, «путички шелковые», замки, сырая шахта, каменные палаты, камера, каземат, стены, двери, острог, темница, земляная тюрьма, каменная тюрьма, браслеты, наручни, решетка, цепи, сыромятные ремни, железные цепи, дубовые двери, железные двери, тюремные ворота, железная решетка.

Удручающую обстановку ограниченного пространства дополняет тяжелый и, главное, монотонный, тянущийся изо дня в день труд. Характер труда каторжанина в общих чертах описывается в песне с Александровской каторги «С Иркутска ворочуся»:

Тюремные ворота

Для нас отворены,

Все тяжкие работы

На нас возложены [Гартевельд URL: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1026658/147/Garteveld_-_Pesni_katorgi.html].

Более детально один из видов трудовой деятельности на каторге иллюстрирует отрывок из песни с Нерчинских рудников «Кибель мой»:

Кибель мой, кибель мой

Поднимается, опускается.

Тянем-ка, тянем-ка,

Раз, два, хватай [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-2>].

В небольших вариациях данное четверостишие повторяется на протяжении всей песни. А на протяжении всей каторжной жизни повторяется принудительный труд невольника.

На Нерчинских рудниках были сочинены еще две песни, которые тоже описывают некоторые виды трудовой деятельности каторжанина, – это «Встану я чем свет» и «В шахте молотки стучат».

«Встану я чем свет»:

Встану я, чем свет зарумянится,

Осеню крестом грудь широкою,

С киркой, с фонарем в шахту я спущусь

И пойду долбить руду-матушку!

Оживет тогда мать сыра земля,

Киркой глубоко взборожденная [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-2>].

«В шахте молотки стучат»:

В шахте молотки стучат,

Фонари едва горят,

Мина зажигается,

Люди разбегаются.

<...>

Все одно, все одно!

Молотками постучать,

Света Божья не видать.

Под землею холодно,

Под землею и темно [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-3>].

Что касается чувств, которые испытывают каторжане, находясь в зоне «несвободы», то они исключительно негативные. Чаще всего упоминаются: печаль, несчастье, плач, горе (во горестях), страх, боль, одиночество, мука, огорчение, несчастье, тяжко, несчастье, слезы, скука (скучно), грусть (грустно), мученья, заботы, бедность, распроклятая долюшка, неволя, смерть, гибель (погиб).

В песне «Зачем я встретился с тобою», записанной в д. Колмогорово Яшкинского района Кемеровской области, возникает сюжет отправки осужденных на каторгу в вагонах поезда:

Вот поезд тронулся с вокзала

И покатился на Восток.

А чья-то чья-то мать-старушка

Стоит и плачет у ворот.

А сын увидел и сам заплакал,

И вытер слезы рукавом [ОЦРФиЭ. CD 15 (п. 29-39)].

Совершенно недвусмысленно в данном отрывке показывается отношение каторжанина к тому месту, где он будет пребывать долгий срок. Оно вызывает лишь слезы у героя.

Песня о турецкой неволе (Тобольская каторга) также показывает состояние несвободы, в котором находятся каторжане:

Плачут тужут казаченьки,

В турецкой ниволи.

Вот два роки у кайданах,

Терпим тяжки муки,

За що Боже милосердный

Нам послал ци муки [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-resni-katorgi/toread/page-3>]!

Герои оплакивают свою судьбу и себя, как оплакивают покойника. Ограниченное холодное (мертвое) пространство, где проходит бесконечная череда дней, является одним из основных образов каторжного фольклора:

В камере как холодно, в камере моей как холодно!

За решеткой средь каменных палат

Плохо греет мой дырявенький бушлат [Гартевельд URL:
<https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-2>].

Эту цитату можно дополнить отрывком из песни с Нерчинских рудников:

День ли, или ночь – нам все одно.

Под землею всегда темно [Гартевельд URL:
<https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-2>].

В песне Тобольской каторги «Ах ты доля» упоминается шахта, как аналог подземелья (могилы), в котором вынужден находиться каторжанин:

Очутился я в Сибири,

В тесной шахте и сырой [Гартевельд URL:
<https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-2>]!

Показателен сюжет песни с Зерентуйской каторги «Когда-то было» полностью посвящен тому, как чувствует себя «добрый молодец», находясь в тюрьме:

Да когда-то было добру молодцу времячко,

Что ходил-гулял добрый молодец на волюшке,

А теперь добру молодцу ходу-выходу нет.

Сидит добрый молодец во горестях

У ворогов злых в земляной тюрьме.

Он не год сидит и не два,

А сидит он не мало как тридцать лет [Гартевельд URL:
<https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-7>].

Наследуя обороты и образы старинного былинного фольклора, этот текст актуализирует тему недвижимости, как синонима небытия. Но, если неподвижность предшествовала становлению былинного богатыря (Ильи-

Муромца), то для каторжника это состояние означает конец свободной (земной) жизни.

Похожий сюжет прослеживается в песне с Акатуевской каторги «Седина-ль моя сединушка»:

Ах, измыкал я свою молодость
Не как люди живут, не в богатстве,
А в проклятом одиночестве.

<...>

Не нашел я здесь, добрый молодец,
Ни батюшки, ни матушки.

Ни братцев-то – ясных соколов,
Ни сестриц-то – белых лебедушек;

Вместо них нашел, добрый молодец,

Погоняночку (каторгу) – красну-девицу [Гартевельд URL:
<https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-3>].

Знаками каторги, помимо вещных атрибутов, являются статусные фигуры (администрация тюрем), их инструменты и действия: конвой, палач, часовой, смотритель, караульные, казнь, бьют, вешанье, траурный столб, кнут, топор.

Положение, когда осужденные попадают на каторгу и находятся под постоянным контролем, иллюстрирует Тобольская песня «Говорила сыну мать»:

Котелки с собой возьмешь,

Конвой пойдет за вами,

Подкандалный марш споешь

С горькими слезами [ГАНУ. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д.211. Л. 3.].

Постоянный надзор и контроль за жизнью каторжан виден и в песне, названной Гартевельдом «Кандалным маршем»:

Духи (конвойные, часовые) за нами по пятам [Гартевельд URL:
<https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-2>]!

Ситуация усугубляется боязнью наказания/казни за тот или иной проступок:

Утром рано крикнет грач

И подымет палач [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-3>].

Подводя итог, можно сказать, что отношение к тому месту, в котором находится осужденный (каторга, тюрьма и т.д.), имеет ценностный, эмоциональный характер. Его описание строится на противопоставлении воли и неволи, усиливается атрибутами и характеристиками насилия. Важными признаками пространства каторги является недвижимость и безвременье и сращивание этого образа с образом могилы. Каторга в песенном фольклоре воплощает собой социальную смерть.

2.4 Образы времени в тюремно-каторжном песенном фольклоре

Все каторжное песенное творчество пронизывает мотив обреченности и ощущение оконченности жизни. Время будто бы останавливается совсем. Жизнь на каторге необычна, непривычна и никаким образом не укладывается в человеческое понимание о жизни. Вот, например, отрывок из песни с Нерчинских рудников:

Ломит грудь мою, тяжело мне вздохнуть,

Ночью или днем все темно кругом.

Мнится мне порой, будто помер я,

Будто я давно уж похоронен [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-2>].

В этих строчках можно увидеть то, что человек, попавший на каторгу, не воспринимает свое состояние как временное. Он воспринимает его как состояние, которое никогда более не изменится. Вот очередной пример обреченности в песне с о. Сахалин:

Закованный в цепи и в замке я сижу,

Напрасно, напрасно, на волю я гляжу.

Погиб я, мальчишка,

Погиб навсегда,

А год за годами

Проходят года [Дорошевич URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-19>].

В этой же песне, окружение героя подтверждает, что он никогда не покинет каторгу:

Сижу я в темнице, сижу я в сырой,

Ко мне вдруг приходит солдат часовой:

Погиб ты, мальчишка,

Погиб навсегда,

А год за годами

Проходят года.

Ощущение, будто нормальная жизнь сама выталкивает осужденного за пределы времени и жизни и обрекает на мучения, создается в одной из женских песен о тюремной неволе, которая представлена в сборнике русских народных песен В.В. Варгановой. В ней, вероятно, жена осужденного обращается к нему с обличительной речью:

Меня любил – счастливым был;

От нас отстал – несчастным стал,

Несчастливым стал, в острог попал,

В тюрьме сидит, в окно глядит [Варганова URL: <http://gorenka.org/index.php/knizhnaya-polka/7376-russkie-narodnye-pesni?showall=&start=10>].

В конце данной песни женщина добавляет, обращаясь к своему возлюбленному:

Не считай меня своей женой! – что еще больше обостряет ощущение оконченности жизни для каторжанина в традиционном понимании этого слова и утере для него всех связей с его прошлым.

В одной из песен Карийской каторги «Из Кремля, Кремля» (приписывается, согласно преданию, Ваньке Каину) описывается сюжет казни разбойника. Когда его ведут к плахе, за ним идут его родные и уговаривают покаяться, чтобы его помиловали, но он отказывается. Примечательно его обращение к жене перед казнью:

А жене молодой вот две волюшки:

Как первая – во вдовах сиди,

А вторая воля – замуж пойдя [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-4>]

Говоря так, осужденный полностью отсекает все, что было с ним, в том числе, и брак.

Прошлое воспринимается каторжанином как некая иллюзия, которая является для него чем-то почти «сказочным» в обстановке остановившегося времени. Среди слов, отображающих положительные чувства и эмоции, были обнаружены следующие: мир, покой, воля, веселье, родина (воспоминания о нахождении в семье), молодость (воспоминания о детстве), молодецкая красота, отцовский дом, счастье, потеха, а также слова, характеризующие состояние – сыт, пьян и слова, связанные с воспоминаниями о прошлом счастье – жена, дети.

Но все эти слова употреблялись лишь по отношению к прошлому, только для того, чтобы подчеркнуть безнадежность настоящего – при сравнении прежнего состояния (до каторги) с теперешним (каторга, тюрьма). Вот, например, строки из песни, записанной в с. Воробьево Венгеровского района Новосибирской области:

Не вором я на свет родился,

Не вором меня мать родила.

В одну девчёнку я влюбился

И для нее стал воровать.

<...>

В одном я деле замечтался,

Арестовали молодца. И вот сижу я за решёткой

В окно тюремное смотрю.

Про милочку я вспоминаю

И каждый день свободы жду [ГАНУ. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 744. Л. 9.].

Песня «Черная юбка, белая кайма» повествует о том же переходном этапе в жизни (до Сибири и после):

Черная юбка, белая кайма.

Любил меня миленький, а теперь нема.

Серая свита, голова обрита

И бубновый туз.

Две пары портянок и пара котом,

Кандалы на ноженьки – я в Сибирь готов [ОЦФиЭ. CD 137-8].

Или вот, еще отрывок одной песни из Тобольской тюрьмы:

Урядник спросит: «Чей такой?»

Я назову себя бродягой,

Не помня родины своёй [Гартевельд URL:
<https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-2>]!

Здесь прослеживается полная оторванность человека от традиционного образа жизни и даже родины. Будто прошлая жизнь для него и не существовала вовсе, а он вечно был каторжанином, потому что теперь он не мыслит себя вне этой среды и четко осознает, что у него больше не будет иной жизни. Остается лишь перебирать в памяти счастливые моменты из прошлого.

В песне, записанной коллективом Серафимо-Никольской Школы традиционной русской культуры из г. Болотное в с. Балман Куйбышевского района Новосибирской области, воспоминания каторжанина облакаются в некую сказочную форму, где прослеживается желание покинуть каторгу как место несчастья и «улететь» в края, где это счастье может быть достижимо (подобные мотивы есть во множестве вариаций в сибирском фольклоре) – возможно, вернуться в прошлое:

Сижу во темнице, сижу во сырой,

Ко мне прилетает орел молодой,

Орел молодой.

Он крыльями машет,

Говорит со мной.

Товарищ, товарищ, давай улетим.

Где солнца не всходят, месяц никогда.

Где снежки не тают, синеют моря.

Где ходит, гуляет красotka моя.

Невозможность возвратиться к нормальной прошлой жизни, и обреченность на страдания прослеживается и в «Пісне Кармелюка»:

Маю жінку, маю діти,

Хоч я их не бачу,

Як згадаю про їх муку,

То гірко заплачу [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-4>]!

В следующем отрывке из «Песни несчастного» присутствует мотив догорающей свечи:

Ты гори-ка, гори, моя белая свеча,

Пропадай-ко, пропадай, моя молодецка красота [Максимов URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-13>]!

Крайне редко в каторжном фольклоре встречались песни, в которых речь шла о том, что станет делать каторжанин, когда освободится из неволи.

Вот пример такой песни:

Все же это не те мне родные места,

Все же это мне край чужой.

Как настанет весна, я окончу свой срок,

Из тюрьмы я на волю пойду.

По лесам и лугам я бродяжить пойду

До родного села я дойду [Гартевельд URL:
<https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-3>]!

В данной песне повествуется о будущем. Но, тем не менее, неизвестно, освободится ли герой из тюрьмы или же нет. Вероятно, подобные песни являются неким претворением надежды, которой грезит каждый арестант. Но, как прошлое, так и будущее являются для него некой иллюзией. Объективно для него существует лишь одно время – настоящее, которое не изменяется изо дня в день, оно попросту остановлено.

Время каторги статично и неизменно, о чем свидетельствует, в частности, следующая песня с Тобольской каторги «Звезда, прости, пора мне спать»:

Звезда, прости, пора мне спать,
Но жаль расстаться мне с тобою;
С тобою я привык мечтать, –
Ведь я живу одной мечтою.
А ты, прелестная звезда,
Порою ярко так сияешь,
И сердцу бедному тогда
О лучших днях напоминаешь.

Туда, где ярко светишь ты,
Стремятся все мои желанья,
Там сбудутся мои мечты; –

Звезда, прости и – до свиданья [Гартевельд URL:
<https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-2>].

Особо показательна в контексте восприятия времени каторжанином «Плясовая» песня (Бродяжеская, Харчевня близ Ишь-Куль):

Дай-ка скину я бушлат,
Да пушуся я плясать!
Нынче я сыт и пьян,
Вот потеха!

<...>

Что-то светит в небеси,

Солнце это иль луна,

Мне давно все равно.

Угощаю [Гартевельд URL: <https://knigogid.ru/books/198777-pesnikatorgi/toread/page-5>]!

Несмотря на то, что в этой песне отражено веселое настроение каторжанина, оно не отменяет «безвременья» каторжной неволи и состояния человека, находящегося на каторге. К тому же, посредством напускной веселости каторжанин, вероятно, пытается преодолеть стресс и адаптироваться к социально-экстремальным условиям каторги, где на него оказывается постоянное давление. Этот прием применяется и в других экстремальных группах [Банников, 2002, с. 30].

Подводя итоги рассмотрения образа времени в контексте каторжного песенного фольклора, можно сделать некоторые выводы. Восприятие времени обитателями каторги кардинально отличается от восприятия времени человеком, который находится на свободе. Свободный человек не ограничен в действиях, в передвижении, имеет возможность создать семью и будущее находится «в его руках», всецело зависит от него. Каторжанин же лишен этой возможности, потому что его свобода ограничена, существование регламентировано. Ввиду этого обстоятельства будущее для каторжанина чаще всего вообще невозможно. По крайней мере, пока он находится на каторге. А прошлое является некой иллюзией, которая теперь никак не влияет на его жизнь.

В итоге, жизнь каторжанина становится статичной и однообразной – он занимается одним и тем же на протяжении многих лет в условиях жесткой регламентации и невозможности уединения, при постоянном прессинге и страхе наказания. Время для арестанта, таким образом, статично и асоциально.

2.5 Образы жизни и смерти в тюремно-каторжном песенном фольклоре

Пенитенциарная система Российской Империи была крайне неблагосклонна к невольникам, а потому смерть была постоянным спутником обитателей тюрем, каторги и поселений. Смерть сопровождала каторжан при переходах с этапа на этап. Арестанты могли наблюдать, как гибнут люди, которые совсем недавно шли с ними по тракту; и каждый из них регулярно «смотрел в глаза смерти» – не символической, а реальной.

Известно, что, проведя некоторое время в местах лишения свободы, человек переживает некий внутренний перелом, связанный с его психическим состоянием. В связи с этим логично будет сказать о двух «полюсах» человеческих устремлений, которые описаны в психоаналитической литературе – это Эрос (стремление/влечение к жизни) и Танатос (стремление/влечение к смерти). В рамках данного исследования эти установки как нельзя кстати подходят для описания отношения арестантов к жизни и смерти.

Мотивы постепенного увядания и угасания жизни во множественных вариациях присутствуют в фольклоре тюрьмы и ссылки. К примеру, арестант вопрошает:

Куда делись белила, румяна

С моего белого лица [ГАНУ. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 30. Л. 76.]?

Однако ему все давно понятно, и он осознает, что люди, сосланные в Сибирь, чаще всего вынуждены оставаться здесь до самой смерти. Как, например, констатируется в следующей песне:

Так пропадет вся юность моя,

Пройдут мои лучшие годы [ОЦРФиЭ.СД 133-21.].

Или, к примеру, в этой:

Все дверюшки-веревюшки мохом заросли,

Все ключи-то, замки перержавели,

Как головушка у доброго молодца на усед седа,

А бородушка у доброго молодца на убел бела,
Ровно белый снег [Красноштанов и др., 1997, с. 349].

Подобные тексты повествуют о внутреннем состоянии арестанта, который предчувствует свою гибель и мирится с ней. Это видно на примере данной песни:

Отворите окно, отворите,
Мне недолго осталось жить.

<...>

Где-то песня вдали прозвучала,

Что пела родимая мать.

Холодеет усталое тело,

Гаснет взор, мне недолго страдать [ГАНУ. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 211. Л. 4.].

А наиболее яркий контраст между жизнью и смертью возникает в отрывке из следующей песни (восходящей, видимо, к духовному старообрядческому стиху):

Все люди живут, как цветы цветут,

А моя голова вянет, как трава [Красноштанов и др., 1997, с. 352].

О смерти в заточении можно собрать целый сборник песен. В данном случае следует привести в пример одну, в которой поется о положении людей в тюрьмах:

Он (хозяин) живет в больших палатах,

И гуляет, и поёт,

Здесь же в сереньких палатах

Дохнет в карцере народ [Красноштанов и др., 1997, с. 363].

Постоянное наблюдение смертей приводит к тому, что это уже не воспринимается как что-то из ряда вон выходящее. О подробностях такого положения повествует следующая песня:

Спохоронят меня ой кое-как.

Похоронят меня да все чужие,

Не поплачет родимая мать.

Слетятся со всех сторон пташки

Над холодной ой могилкой моей.

Запоют заунывную песню

Над моим деревянным крестом [ГАНУ. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 461. Л. 3.].

Вообще, сюжет похорон в тюремно-каторжном фольклоре особо примечателен. Несмотря на то, что чувства несколько притупляются в тяжелых условиях жизни, арестантов сильно печалит, что после смерти их не смогут похоронить по всем правилам и «как принято». И в итоге получается, что после смерти они:

Без креста лежат, без имячка... [Красноштанов и др., 1997, с. 367]

Говоря об этом частном сюжете, следует особо выделить песню, которую В.Н. Гартевельд разместил в своем сборнике под названием «Похороны». Ее обязательно необходимо представить полностью:

Сегодня на рассвете

Товарища я похоронил.

Вблизи, где перекресток,

В сырой земле его я зарыл.

Не слышно было звона погребального,

Не слышно было пения печального,

Но навеки мать сыра-земля

Его приняла без попа, без свечей погребальных.

Я на его могилу

Березоньку младую сажал,

Товарищу бродяге

Счастливо оставаться желал.

Поминки бы справлял, да только не на что,

Да за помин попу отдать ведь нечего.

Но зарок дал: первый шкалик

Выпью я за новопреставленного раба Божия.

Кругом все было тихо...

Не плакали родные!

Не плакали родные о нем [Гартевельд URL:
<https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread/page-4>].

Традиционно процедура похорон в христианской традиции происходит в несколько этапов. Условно это: вынос тела в гроб, прощание родных с телом умершего, проводы на кладбище, религиозные обряды, проводимые священником, погребение тела в землю и поминки. В данной же песне можно наблюдать только одно звено из этой цепи – погребение тела умершего в землю. Все остальные этапы отсутствуют («Не слышно было звона погребального»; «без попа, без свечей погребальных»; «Поминки бы справлял, да только не на что»). У автора данной песни вообще отсутствуют возможности провести похороны друга. К данной ситуации можно отнести фразу «всё – не как у людей».

Важно, что человек, который умер и был захоронен, лишается даже того, чтобы его вспомнили после его смерти («Не плакали родные о нем...»), т.к. он оказался оторванным от жизни и традиционной культуры, находясь в тюрьме или ссылке.

К примеру, есть сюжет о том, как арестант пытается сбежать из тюрьмы. Вот отрывок одной из песен:

Вдруг выстрел раздался

Я вниз головою

С окошка сорвался, упал,

Начальник заходит,

Качает головою

Погиб арестант молодой [ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 182. Л 9].

Если в вышеуказанной песне поется о гибели арестанта при попытке бежать из тюрьмы, то в следующих отрывках представлен эпизод, когда люди умирали в результате наказаний или пыток:

Чуть крикнешь – в карцер отправляют,

Спроси: «За что?» – так станут бить.

У нас телесны наказанья,

В законе пишут, что их нет,

А от побоев и терзаний

Ушло немало на тот свет [Красноштанов и др., 1997, с. 361].

Вот два примера смертей в результате расстрела:

Выводили в чисто поле –

И давай меня ковать.

Заковали руки-ноги –

И давай в меня стрелять.

Девятнадцать пуль пробило

Мимо правыва плеча.

А двадцатая, эх, злодейка,

Загубила молодца [ОЦРФиЭ. CD 135-15].

Как приводят меня, добра молодца,

На покачано место публичное –

Резвые ноженьки подломилися,

Белы ручки опустилися.

Как головушка покатилася [Красноштанов и др., 1997, с. 356].

Следующая песня, которая начинается с того, что мать приходит навестить своего сына в тюрьме, а далее:

Ей превратник отвечает:

«Твой сыночек осужден.

Осужден вчерашней ночью

И на покой отправлен он» [ГАНУ. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 965. Л. 65.].

Переживание неизбежности смерти является общим для всех невольников:

Вот умер мальчик, умер мальчик.

Умерла забава.

Лишь остался конь вороный,

Сбруя золотая.

<...>

Конь головку клонит.

Молодая сибирячка

Горьки слезы ронит [ГАНУ. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 203. Л. 5.].

Подводя итог рассмотрению каторжных и тюремных песен о смерти, следует сказать, что они достаточно разнообразны и по сюжету, и по художественным составляющим. Упоминания смерти или же намеки на окончание жизни в фольклоре конкретной социальной группы являются очень распространенными. При этом отношение «невольников» к смерти скорее всего амбивалентно. С одной стороны, смерть – безусловно, воспринимается негативно, ведь это фактически окончание существования, которое усугубляется осознанием того, что после смерти их никто не вспомнит и не похоронит, как следует. А с другой же стороны, арестанты уже пережили символическую смерть – они умерли для общества, их не существует в легитимном социальном пространстве. Такая жизнь вне общества для сознания традиционного человека невыносима. Но тяготы и лишения каторги и ссылки не оставляют шансов для арестанта на светлое будущее. Когда нет перспектив, вопрос о смерти остается открытым, и ответ на него не может быть однозначным, примером чего является песенный тюремно-каторжный фольклор Сибири.

Подводя итоги анализа образа главного героя тюремно-каторжного песенного фольклора, а также образов пространства, времени, жизни и смерти, необходимо признать, что для оценка «невольника» характерно его противопоставление обществу и культуре. Сам «невольник» является «человеком без лица», который попал в места лишения свободы за определенное преступление и вынужден отбывать там свой срок. Его образ, как правило, передается через скудные описания внешних черт и атрибутов,

а чаще всего – через передвижения и социальные функции (трудовые повинности). Попав в Сибирь, «невольник» переживает «символическую смерть» для того традиционного общества, в котором он жил, и в рамках которого мог организовывать свою жизнедеятельность. Его новая жизнь характеризуется существенным ограничением свободы и детальной регламентацией его деятельности.

Образ пространства – каторги – в целом описывается на основе отрицания культурной нормы. Место, в котором «невольник» отныне вынужден находиться, противопоставляется обычной жизни и пространству живых; и порой совершенно недвусмысленно характеризуется как место погребения.

Время оказывается остановленным для арестанта; оно «ассоциально», т.к. «невольник» полностью выпадает из традиционной социо-культурной реальности, закреплённой календарем, и в целом - из жизни. В Сибири у него пропадают обычные жизненные ориентиры и ценности – он находится в агрессивной среде, среди «иных» людей. Его личность «растворяется» в массе таких же как он – все существа, вне времени и культуры, одинаковы в своей безликости. Смерти подобно – такое пережить. Речь идет о социальном небытии. И реальная смерть постоянно находится «перед глазами» – она забирает людей днем и ночью.

Из всех этих переживаний и страданий возникает фольклор «неволи», который находясь на периферии традиционной культуры, тем не менее связан с ней. Тюремный, каторжный фольклор – это большой пласт истории и культуры российского народа – и он требует дальнейшего изучения.

Заключение

Пенитенциарная система Российской Империи на всем протяжении своего существования носила репрессивный характер. В ходе ее формирования происходило увеличение числа ссыльных арестантов, следующих в Сибирь. Их процент в общей массе населения был существенным.

Постоянное присутствие ссыльного контингента в сибирском регионе на протяжении XVII–XIX вв. оказывало прямое влияние на культуру его населения ввиду постоянных культурных и социальных связей между русскими старожилами и «пришельцами» в лице арестантов и ссыльных.

В частности, «каторжное» влияние было отмечено в складывании сибирской песенной традиции. Как известно, многие песни из мест лишения свободы приходили в народную среду, и наоборот – некоторые образцы русской необрядовой лирики, ввиду близости к настроению «отверженных», попадали на каторгу, в тюрьмы, были в ходу у сибирских бродяг.

Контакты с ссыльным элементом способствовали сближению всех групп сибирского населения и укоренению в народной среде убежденности, что никто не застрахован «от тюрьмы и от сумы», поэтому осуждать заключенных, по крайней мере, неправильно. Таким образом, фольклор являлся неким сближающим фактором между русскими старожилами и «пришельцами».

Все использованные в данной работе фольклорные материалы (250 образцов) входят в единый массив сходных по сюжету, стилю, способам исполнения текстов. Между песнями Западной Сибири и «общесибирскими» песнями не было обнаружено каких-либо существенных различий. Эта близость определялась единством социо-культурного и исторического контекста.

Анализ содержания текстов тюремно-каторжного песенного фольклора позволил воссоздать «картину мира» тюремно-каторжного песенного

фольклора. Были проанализированы образы места (пространства), времени, жизни и смерти. Был воссоздан образ героя «невольника». Он является страдальцем, осужденным на долгие муки – он гоним, порицаем, исключен из традиционного общества, находится в месте, абсолютно не предназначенном для «нормальной жизни». Его личность размывается и сливается с «серой массой» таких же, как он сам.

Попав в Сибирь, «невольник» переживает «символическую смерть» для того традиционного общества, в котором он жил и в рамках которого мог организовывать свою жизнедеятельность. Его новая жизнь характеризуется существенным ограничением свободы и детальной регламентацией его деятельности. Разного рода вольности здесь недопустимы и, кроме того, существуют трудовые обязанности, за невыполнение которых следует наказание – как правило, физическое. Таким образом, образ пространства – каторги – в целом описывается на основе отрицания культурной нормы. Место, в котором «невольник» отныне вынужден находиться, противопоставляется обычной жизни, противопоставляется пространству живых. А порой совершенно недвусмысленно характеризуется как место погребения.

Время в тюремно-каторжном песенном фольклоре попросту останавливается, ибо оно не привязано к оставшейся в прошлом социальной реальности, которая регулировалась традиционным календарем. Если время жизни социально, то время каторги – асоциально. Для осужденного не существует ни прошлого, ни будущего. Прошлое – лишь воспоминания, будущее – лишь фантазии, мечты. Настоящее для «невольника» – суровая реальность ссылки, каторги и тюрьмы. Перспективы в условиях «неволи» попросту отсутствуют. Несвобода в данном случае означает отсутствие жизни как таковой, ибо отсутствует движение во времени и пространстве, которое является одной из базовых жизненных ценностей. В таких условиях арестант вынужден ожидать своей смерти, которая может наступить очень

скоро, ввиду тяжелого каторжного труда, сурового климата, физических наказаний или же казни.

В итоге человек, попавший в места лишения свободы, потерян не только для общества, но и для самого себя. Он не меняется, все для него статично. Меняются лишь те, кто находится на свободе – они заводят семью, стареют, умирают. Он же лишен всех традиционных и привычных для него ориентиров и ценностных норм – «земля уходит у него из-под ног», исчезает всякая опора и надежда на будущее.

В содержательном плане фольклор «неволи» аккумулирует информацию о жизни человека в крайне тяжелых условиях. Он выстрадан, выкован из постоянных переживаний и страданий. Ввиду своего происхождения он ориентирован на сострадание. Именно за это и любим в народе. Некоторые песни до сих пор бытуют в народе и исполняются не только фольклорными коллективами. Особенность тюремно-каторжного фольклора Сибири – вся суть и ценность его (помимо содержания) заключается в манере исполнения, ибо «это не человек, это горе поёт!» [Дорошевич URL: <https://librolife.ru/g2069766>].

Список источников и литературы

Источники:

Законодательные акты

Сенатский указ «О рассылке Юстиц-коллегии одинаковых знаков для клеймения преступников, и о распределении их в каторжной работе по степени преступления». 30 сентября 1754 г. // ПСЗРИ-1. Т. 14. № 10305.

Сенатский указ «О ревизии уголовных дел по разным ведомствам, и о подтверждении указа 1753 года июня 18, о замене смертной казни политической, с объяснением, что почитать сею казнью и что наказанием». 30 сентября 1754 г. // ПСЗРИ-1. Т. 14. № 10306.

Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // ПСЗРИ-2. Т. 20. отд. 1. № 19283

Высочайше утвержденный доклад «О именовании политической смертию: взведение на виселицу, или положение головы на плаху, и о представлении в Сенат экстрактов из дел, по которым преступники присуждаются к натуральной или политической смерти, не приводя приговора в исполнение». 29 марта 1853 г. // ПСЗРИ-1. Т. 13. № 10087.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: в 12 т. – Спб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. – Т. 8. – С. 350

Высочайше утвержденное Уголовное уложение. 22 марта 1903 г. // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. № 22704.

Архивные материалы

Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора НГПИ М.Н. Мельникова // ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 30. Л. 76.

Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора НГПИ М.Н. Мельникова // ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 30. Л. 88.

Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора НГПИ М.Н. Мельникова // ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 182. Л. 9.

Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора НГПИ М.Н. Мельникова // ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 203. Л. 5.

Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора НГПИ М.Н. Мельникова // ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 211. Л. 3.

Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора НГПИ М.Н. Мельникова // ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 211. Л. 4.

Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора НГПИ М.Н. Мельникова // ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 293. Л. 17.

Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора НГПИ М.Н. Мельникова // ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 461. Л. 3.

Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора НГПИ М.Н. Мельникова // ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 744. Л. 9.

Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора НГПИ М.Н. Мельникова // ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 917. Л. 4.

Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора НГПИ М.Н. Мельникова // ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 965. Л. 65.

ОЦРФиЭ. CD 15 (п. 29-39).

ОЦРФиЭ. CD 133-16.

ОЦРФиЭ. CD 133-21.

ОЦРФиЭ. CD 135-15.

ОЦРФиЭ. CD 137-8.

ОЦРФиЭ. CD 137-17.

Опубликованные материалы

Варганова В.В. Русские народные песни // Горенка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gorenka.org/index.php/knizhnaya-polka/7376-russkie-narodnye-pesni?showall=&start=10>

Гартевельд В.Н. Песни каторги // КнигоГид – портал о книгах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/198777-pesni-katorgi/toread>

Джекобсон М., Джекобсон Л. Преступление и наказание в русском песенном фольклоре (до 1917 года). М.: Изд-во СГУ, 2006. 504 с.

Дорошевич В.М. Песни каторги // Книжный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://librolife.ru/g2069766>

Красноштанов С.И., Левашов В.С., Щуров В.М. Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1997. – 524 с.

Литература:

Аникин В.П. Теория фольклора: Курс лекций. – М.: Издательство МГУ, 1996. – 404 с.

Арзамаскин Ю.Н. Принцип историзма в научном исследовании // Вестник Военного университета. – 2011. – Вып. 3 (27). – С 7–11

Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. – М.: Российская академия наук, 2002. – 400 с.

Башарин А.С. Блатная песня: *terraincognita* // Массовая культура на рубеже веков. – М, СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – С. 176–193.

Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. – Томск.: Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2009. – 308 с.

Бойко В.П. Роль Московско-Сибирского тракта в хозяйственном и культурном развитии Сибири XIX в. // Вестник Томского Государственного Университета. – 2012. Вып. 2. – С. 45–48.

Бортникова О.Н. Возникновение и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири (1801 – 1917 гг.): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02. – Тюмень, 1999. – 336 с.

- Горина Н.Л.** Методика текстологического исследования рукописей: Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – СПб., 1994. – 18 с.
- Джекобсон М., Джекобсон Л.** Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1940-1991). Современный Гуманитарный университет. М., 2001. 562 с.
- Достоевский Ф.М.** Записки из Мертвого Дома. – М.: Художественная литература, 1979. – 280 с.
- Ефимова Е.С.** Субкультура тюрьмы и криминальных кланов // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/efimova5.htm>
- Жижин В.Д.** Ссылка в России (Законодательная история русской ссылки) // Журнал министерства юстиции. – 1900. – Вып. 1. – С. 37–70.; № 2. – С. 51–95.
- Земляков А. В.** Политическая ссылка в Западной Сибири. Историко-правовой аспект: 1905 — февраль 1917 г.: Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Омск, 2003. – 28 с.
- Зуев А.С.** Сибирь: вехи истории (XVI–XIX вв.): учеб. пособие. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1999. – 367 с.
- Зуева М.Н., Чернобаева А.А.** История России: Учебник для студентов вузов. – М.: Высшая школа, 2000. – 479 с.
- Зуева Т.В., Кирдан Б.П.** Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. – М.: Наука, 2002. – 400 с.
- Иванов А.А.** В Сибирь по этапу (XVII–XIX вв.)// Известия Байкальского Государственного университета. – 2014а. – Вып. 2. – С. 170–177.
- Иванов А.А.** Уголовная ссылка в Сибирь в XVII-XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014б. Вып. 1. – С. 42–53.

Историческая энциклопедия Сибири. С–Я. – Новосибирск: «Историческое Наследие Сибири», 2009. – С. 764

Калинина Д.А. Повседневная жизнь политических ссыльных в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Киров, 2009. – 20 с.

Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. – Новосибирск.: Новосибирский государственный педагогический университет, 2004. – 567 с.

Каторга в XVIII-начале XX в. //Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. /Зуев А.С., Константинов А.В., Мошкина З.В. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009. – Т. 3. – С. 783

Кеннан Джордж. Сибирь и ссылка: в 2 ч. – СПб.: Издание Вл. Распопова, 1906. – 398 с.

Кузовников Р.И. К истории ссылки в Сибирь // Тюремный вестник. – 1898. Вып. 2. – С. 70–74.

Леонова Н.В. По Сибирскому тракту: к 40-летию экспедиционного проекта М.Н. Мельникова // Мельниковские чтения: материалы пятой межрегиональной научно-практической конференции. – Новосибирск, 17-19 февраля 2011 г. – Новосибирск, 2012. – С. 7–14.

Леонова Н.В. Проблемы и перспективы использования фольклорного фонда М.Н. Мельникова // Новосибирский архивный вестник, № 16: Архивы Сибири. История и современность: Материалы региональной науч-практич. конф. 22 марта 2005 г. – Новосибирск, 2005. – С. 90–94.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. – 544 с.

Лурье М.Л. Песенный фольклор как зеркало русской оппозиции // Антропологический форум. – 2009. № 10. – С. 335–342.

Максимов С.В. Сибирь и каторга. – СПб.: Издание В.И. Губинского, 1900. – 487 с.

- Малинин В. Б., Смирнов Л. Б.** Уголовно-исполнительное право: учебник для юридических вузов и факультетов. — М.: «Межрегиональный институт экономики и права», «КОНТРАКТ», «ВолтерсКлувер», 2010. — 368 с.
- Малиновский И.А.** Ссылка в Сибирь. Публичные лекции, читанные в Томске в ноябре 1899 года. — Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1900. — 90 с.
- Марголис А.Д.** Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 г. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири XVIII – начала XX вв. — 1978. — С. 126–140.
- Марченко Ю.Г., Федоров А.И.** Михаил Никифорович Мельников // Вестник Новосибирского отделения Петровской академии наук и искусств. — 1999. — № 5. — С. 7–14.
- Мелетинский Е.М.** К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977. С. 152-170.
- Михеенков Е.Г.** Привлечение заключенных к труду в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири (конец XIX в. — 1919 г.)// Известия Алтайского Государственного университета. — 2014. — Вып. 2-1 (82). — С. 127–131.
- Московско-Сибирский тракт** // Livejournal.[Электронный ресурс]. — Режим доступа:<https://masterok.livejournal.com/354579.html>
- Пропп В.Я.** Фольклор и действительность. — М.: Наука, 1976. — 327 с.
- Путилов Б.Н.** Принципы текстологического изучения фольклора. — М., Л.: Наука, 1966. — 302 с.
- Рейсер С.А.** Основы текстологии. — Л.: Просвещение, 1978. — 176 с.
- Родигина Н.Н.** Репрезентации Сибири в песнях каторжан второй половины XIX — начала XX века. // Вестник Новосибирского Государственного Университета, серия: история, филология. — 2015. Вып. 1. — С. 76–90.

Русский фольклор. Том XXVI. Проблемы текстологии фольклора. / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Ленинград: Наука, 1991. – С. 280

Саломон А.П. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. – СПб.: Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1900. – 53 с.

Соловьева Е.И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 214–226.

Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. – Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1986. – 303 с.

Шабанов М.П. Ссылка и каторга в Западной Сибири в конце XVI – конце XIX веков: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. – Кемерово, 1998. – 207 с.

Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. – СПб.: Типография А. Моригеровскаго, 1872. – 719 с.

Приложения

Приложение А

«Тюрьма каменна, висока», ОЦРФиЭ, CD 135-15.

Зап. В.В. Асановым, Н.С. Кутафиной, Т.Ю. Мартыновой, И.А. Овчинниковым в 1984 г. в с. Покровка Усть-Таркского района от Фельбушевой Агафьи Петровны, 1922 г.р.; Боникарт Елизаветы Карловны, 1934 г.р.; Райхерт Полины Васильевны, 1934 г.р..

Тюрьма каменна, эй, висока,

Ничего в ней не видать.

Только видно, то... олько слышно:

- Арестант, пойдём за мной!

Выводили в чи... в чисто поле -

И давай меня ковать.

Заковали ру... руки-ноги -

И давай в меня стрелять.

Девятнадцать пу... уль пробило

Мимо правыва плеча.

А двадцатая, эх, злодейка,

Загубила молодца.

«Хороша эта ноченька темная», ОЦРФиЭ, CD 135-16.

Зап. В.В. Асановым, Н.С. Кутафиной, Т.Ю. Мартыновой, И.А. Овчинниковым в 1984 г. в с. Покровка Усть-Таркского района от Фельбушевой Агафьи Петровны, 1922 г.р.; Боникарт Елизаветы Карловны, 1934 г.р.; Райхерт Полины Васильевны, 1934 г.р..

Хороша эта ноченька темная.

Хороша эта ночка в лесу.

Выручай меня, силушка мощная,

Я в неволе свой срок не снесу.

Вновь забилося сердце тревожное,

Кровь по жилам пошла ручейком.
Дай попробую снова решеточку
Принажму молодецким плечом.
Принажал и свалилась решеточка,
И на землю упала слегка.
Не услышала стража тюремная,
Не поймала меня, молодца.
Побегу я в ту дальнюю сторонушку,
Где все дорого так для меня.
Обниму свою милую женушку
И усну у нее на груди.
Понапрасну ломал я решеточку,
Понапрасну бежал из тюрьмы –
Дорогая ты, милая женушка
У другого лежит на груди.
Закуют меня в цепи железные,
Споведут меня снова конвой.
Дай, простимся, ты, милая женушка,
Не увидимся больше с тобой.

Приложение Б

«Ой, да ведь не зима-то ли де зима», Красноштанов С.И., Левашов В.С., Щуров В.М. «Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока», 1997 г.

Зап. Н.А. Новоселова, Т. Неупокоева в 1979 г. от А.В. Брюхановой, 1899 г.р., А.К. Михайловой, 1932 г.р., на нижней Ангаре в с. Кежма Красноярского края.

Ой, да ведь не зима-то ли де зима,

А-ох, да зи... зимонька-то была студе...

Ой, зима студена,

О-ох, да все ой, все студе... ой, студеная,

Ой, студеная...

Да ведь заморози... заморозила,

О-ох, да за... заморозила ты ведь мои кры...

О-ох, мои кры... ох, ведь крылышка.

Ой, мои крылышка...

Да ох, ведь вы кры... ой, вы крылышки,

О-ой, да ведь да кры... крылышки, вы были мои гусины...

О-ох, вы гуси... ой, гусятыня.

Ой, гусятыня...

Да ох, уж вы кры... ой, ведь крылышки,

О-ох, да кры... крылышки мои ведь были лебеди...

О-ох, лебеди... ой, лебедитыня.

Ох, лебедитыня...

Да о, ведь вы-то зачем, ох, вы зачем, пошто,

О-ох, да кры... крылышки, вы пошто меня не вы...

О-ох, вы не вы... ох, не вынесли?

Ох, не вынесли...

Да ох, из беды-то ведь вы беды,

О-ох, да из беды-то меня, ведь из нево...

Ох, из неволюшки, да, ох, из неволюшки.

Ох, из неволюшки...

Ох, ведь я-то летал, ох, летал-ту, летал,

О-ох, да ле... летал сокол, я ведь по чисту,

О-ох, по чисту я летал по полю.

По чисту полю...

Да эх, ведь я-то искал, ох, искал-ту, искал.

Приложение В

«В галаве маеі муки стихаю...» ГАНО, Ф. Р-2163, Оп. 1., Д. 986, Л. 124.

В галавемеі муки стихаю
Серце кровью маёаблілось,
За измену невернава друга
Пастрадаць мне прішлося.
Скора, скоро судіць мяня будуць
На скамье падсудімай сідзець.
Ні даволін душой, сваім серцем
На зашчытніка буду сматрэць.
Зачытаюць маёпрыступленне
На савішчанья ўсе суды ўйдучы.
Каму год, а мне два з паловай
... острога дадуць.

Вот погонят нас пыльнай дарогай,
А з дарогі і прыма ў тюрму
Прывядуць і пасядуць ў адзіночку
За высокую, тюрэмную стіну.
У адзіночку сідзець, братцы, скучна
Часта будым дружэй успамінаць
Серце кровью маёабальца
Як увачу радзімаю мату.
Атварыць акно ці дзвері
Мне нідоўга асталася жыць
Ішчы раз атпусціць на свабоду,
Ні мішайці страдаць і любіць.

«Ветер веет, да повевае...» ГАНО, Ф. Р-2163, Оп. 1., Д. 917, Л. 4.

Ветер веет, да повевае,
Сад зелененькі шуміць.

Да сама про то не знаю,
Которого с трёх любит.
Да полюблю того ль мальчишку,
Которого здесь, тут нет.
Да и в городе и в Одесте
По улочке по ровной.
Да там стояло да две башни,
Посередку большой дом.
То ни дом, то ни больница,
Настоящая тюрьма.
Что во той да во тюремке,
Сидит юнош молодой.
Да за железными столбами,
За решеткой.
Да ключик дверь да растворяет,
Выходи-ка, брат, сюда.
Да вышел мальчик на свет божий,
Перекрестился 3 раза.
Да ты признайся, признайся, мальчишка,
Сколько душ ты загубил.
Да 90 православных, а 125 жидов.
А жидов тебе прощаю,
Ну а православных никогда.
«В воскресенье мать-старушка...» ГАНО, Ф. Р-2163, Оп. 1, Д. 965, Л. 65.
В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла,
Своему родному сыну
Передачу принесла.
«Передайте передачу,
А-то люди говорят,

Что по тюрьмам заключенных
Сильно голодом морят».
Ей превратник отвечает:
«Твой сыночек осужден.
Осужден вчерашней ночью
И на покой отправлен он».
Мать к стене тюрьмы припала,
Слезы хлынули внутри.
Когда приговор читали,
Знали звездочки одни.
«Я купила передачу
На последние гроши.
Передайте заключенным
На помин его души».

«Что же ты, Ваня, задумал такое...» ГАНО, Ф. Р-2163, Оп. 1, Д. 30, Л. 88.

Ох, во неволю Ваня жить попал.
Знать была назначена судьбою
О у неволи Ване умереть.
В тюрьмах, клетках очень безобразно,
В окна были решетки
Ох на весючих двери замках.
Ох вы откройте, братцы, шире фортку,
Ох дайте на волю Ване посмотреть.
Видит девку, видит черноброву,
Ой, своего ворона, братцы, коня.

«Я слышу смертный приговор...» ГАНО, Ф. Р-2163, Оп. 1, Д. 150, Л. 7.

Я слышу, слышу смертный приговор,
Твои злодейские воздеянья.
С зарею уведут меня.
Моя ... петля

Порвет мое дыханье.
Умру, умру, о труп
Мой безвоздушный.
На месте здесь меня зарюют
Не плачь несчастная
Жена за мною.
Пусть ветры буйные завоют
Я плачу, плачу, слезы лью
Я из своих очей.
Что смерть открыто
Для меня, злодея,
Мне жаль жену и
Жаль малых детей.
Жена, мой друг,
А в мире мое счастье.

«Бежал бродяга с Сахалина...» ГАНО, Ф. Р-2163, Оп. 1, Д. 154, Л. 6.

Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.
Укрой, тайга, укрой, густая,
Бродяга хочет отдохнуть.
Там вдали за синим морем
Оставил Родину свою,
Оставил мать свою старушку,
Оставил жену молодую,
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка никогда.

«По диким степям Забайкалья» ГАНО, Ф. Р-2163, Оп. 1, Д. 154, Л. 7.

По диким степям Забайкалья,
Где золото моют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,

Тащился с сумой на плечах.
Идет он тайгою густою,
Где пташки одни лишь поют,
Котел его с боку тревожит,
Сухарики с ложками бьют.
Бродяга Байкал переехал
Навстречу родимая мать.
Ах, здравствуй, ох, здравствуй, мамаша,
Здоров ли отец мой и брат?
Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землею зарыт,
А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами звенит.
Иди же, иди же, сыночек,
Иди же в свой курень родной,
Жена там по мужу скучает,
И плачут детишки гурьбой.

«Люби меня, девушка, пока я на воле...» ГАНО, Ф. Р-2163, Оп. 1, Д. 182,

Л. 9.

Люби меня, девушка, пока я на воле,
Пока я на воле
Я твой.
Судьба нас разлучит,
Я буду жить в неволе,
Тобой овладеет другой.
Я вор, я бандит,
Я с преступного мира,
А вора ведь трудно любить.
Возьму я пилу
И с товарищем верным

В тюрьме я окошко пропилю.

Товарищ поможет

Мне выйти на волю,

Я снова тебя отыщу.

Вдруг выстрел раздался,

Я вниз головою

С окошка сорвался, упал.

Начальник заходит,

Качает головою,

Погиб арестант молодой.

А дальше не помню,

Что было со мной,

Последнее слово сказал.

«Ой запой-запой, сирая воронушка...» ГАНО, Ф. Р-2163, Оп. 1, Д. 183, Л.

8.

Ой запой-запой, сирая воронушка,

На проталинке весной сидючи.

Ой, подай голос через темный лес,

Через темный лес в тюрьму темную.

Ой у той тюрьме сидел молодец,

Он сидел, сидел, не год, не два,

Он сидел, сидел ровно 9 лет.

На 10-й год стал письмо писать,

Стал письмо писать,

Отцу-матери слать.

Отец-матушка письма не взяли,

Письма не взяли, назад послали,

Назад послали, гордо отказали.

У нашем роду не было воров,

Не было воров, ни разбойников.

Стал письмо писать до жены своей,
Жена молодая письмо приняла,
Письмо приняла распечатала,
Распечатавши – да прочитала,
Прочитавши – горько плакала.